

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ФЕНОМЕН

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

Военная боевая фантастика

Владимир Поселягин

Феномен

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Феномен / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-151103-6

Ростиславу Барду всегда везло. Вот и сейчас фортуна снова оказалась благосклонна к нему, подарив то, о чём он не смел и мечтать. Пользуясь открывшимися ему возможностями, он будет бить немцев в их же тылах, сформирует армию, возьмёт захваченный немцами Минск и предотвратит блокаду Ленинграда. А пока он подполковник-танкист, кинутый волей советского генерала в тыл немцев. Итак, лето сорок второго во всей красе.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151103-6

© Поселягин В. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1. Неожиданный подарок с небес	6
Глава 2. Ожидание	14
Глава 3. Старые знакомые	21
Глава 4. Неожиданный поворот	28
Глава 5. Неоправданные надежды	36
Глава 6. Штрафбат	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Поселягин

Феномен

© Владимир Поселягин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Неожиданный подарок с небес

Купол парашюта белел над головой, меня чуть раскачивало на лёгком ветерке. Пересекавшие торс ремни больно сдавливали тело. За спиной висел вещмешок, спереди – второй, на правом боку – ПППШ. Похоже, я опускался на лес. Внизу – темнота, вокруг ни зги не видно – ни света, ни костров. Надеюсь, не поломаюсь. Сам не видел, но от бывалых разведчиков слышал рассказы о том, как они находили на деревьях трупы неудачников, насаженных на ветки, как на колья. Такое пусть редко, но случалось. Я надеялся, что моя удача меня не подведёт.

До поверхности оставалось метров сто, когда сработала она – моя удача. Но я это понял чуть позже.

Рядом со мной, освещая ночную мглу, вдруг завис яркий шар размером чуть больше моей головы. Свет резал глаза, и я был вынужден щуриться. Самое интересное, что вместе с шаром замер и я: не мог шевелить телом, только головой. Но говорить мог, и, пользуясь такой возможностью, высказал матерно своё мнение по поводу происходящего.

Я этот шар принял за шаровую молнию, хотя грозы рядом не было. Природа загадочна, поди изучи её. Однако шар завис и заговорил. Нет, шока, к счастью, не было, спасибо моей болезни, а матерился я больше от неожиданности.

Неизвестный говорил мужским голосом, на русском, но с лёгким акцентом:

– Ростислав Бард, внимание. У нас не больше минуты. К вам обращаются сотрудники центра Университета Временного Кольца. Мы используем машину времени, чтобы вам было ясно. Нам нужен специалист в другом мире. Там умирает полковник Богданов, командир тридцатой танковой дивизии четырнадцатого мехкорпуса четвёртой армии Западной области. Он умирает от удара виском об угол стола: поскользнулся во время совещания в штабе. Командиры, находящиеся рядом с ним, пытаются ему помочь, но у них не получится. Нам нужен профессионал, душу которого мы могли бы поместить на место души погибшего полковника. До начала войны – три недели. Задача – по мере своих сил повлиять на ход истории.

– Зачем вам это?

– Социальный эксперимент.

– Вы меня убьёте?

– Нет, внизу – немецкая танковая колонна на отдыхе, семнадцать опытных немецких солдат. Они вас уже видят, и они вас уничтожат. Ваша душа освободится от повреждённого вместилища, а мы перехватим её и вселим в тело полковника. Мы так уже делали, процедура отработана.

– А то, что я в новом теле со старой памятью – это ваша работа?

– Нет, это ваша заслуга. Мы вышли на вас случайно, вы так ярко заявили о себе. Мы ещё продолжаем изучение этой непознанной, загадочной структуры, которой является душа. Но вы не один, перерождаясь, сохранили память. Это редкое явление, но так бывает.

– Генерала Богданова я знаю, отлично вместе поработали в штабе Юго-Западного фронта. Странно, что он погиб.

– В разных мирах жизнь идёт по-разному.

– Ладно, допустим, я согласился. Что мне это даст?

– Оплата?

– Да.

– Что вы хотите? Хотя могу предложить то, что вас заинтересует, все на это соглашаются. Вы знаете, что такое безразмерное хранилище?

– Читал в книгах.

– У нас есть такие. Максимальный размер – двести пятьдесят тонн. Приписываются к энергетической оболочке, той самой душе. Содержимое при перерождении сохраняется.

– Беру.

Помимо этого голоса я слышал ещё один, еле уловимый, заметно моложе, который отсчитывал время, оставшееся до закрытия окна – как долго они смогут держать эту территорию. Причём, как я понял, заморозили они только окрестности: я засёк краем глаза, как что-то полыхнуло на горизонте. Значит, время останавливать они не могут, у них какие-то другие разработки.

– Размер хранилища? – уточнил голос.

– Что значит размер?! Максимальный. И два.

– Два нельзя использовать: оба работать не будут. Управление интуитивное, запускается у всех по-разному: у кого за три дня, у кого и через месяц. У нас шестнадцать секунд. Мы освободим вам правую руку и передадим «зерно», его нужно проглотить. После этого последует ваша гибель, и мы заберём вас.

– Добро.

Мне действительно разморозили руку, и на мою открытую ладонь легла светящаяся таблетка. Ощущая себя Нео из «Матрицы», я сразу проглотил её – словно небольшой кусочек тёплого сливочного масла скользнул по пищеводу. А чего думать? Времени мало, хотели бы убить, давно убили бы, а от такого подарка не отказываются. Тот же голос пожелал мне удачи.

Тут свечение пропало, и я продолжил спускаться. Сразу вырвал из кобуры пистолет и приготовил его к бою, а в зубы сунул запасной магазин. Странные эти инопланетяне: меня ещё не убили, а они уже договорились, куда мою душу отправлять. После общения с ними я сразу переключился на ожидающий меня бой с немцами, решив, что насчёт самих порталщиков подумаю позже. Были там несколько моментов, которые меня насторожили.

Итак, семнадцать немчиков... Это не смешно. Я даже вспотеть не успею. Будем бить. Ночь, преимущество как раз у меня. Я очень надеялся, что удача меня не подведёт, она всегда со мной, надо лишь немного ей помочь. Я не хотел уходить из этого мира, если только стариком.

Лес, колонна на отдыхе, да ещё танковая, и ни одного костра. О чём это говорит? Да о том, что лес им как мать родная, а это уже настораживает. Для кого лес может быть неопасным? Для егерей? Да, вполне возможно. Но не для танкистов. Эта колонна меня серьёзно напрягла, но я был совершенно спокоен и готовился к бою. Это всё, о чём я успел подумать: спуск был быстрый.

До самого последнего момента немцы себя не обнаруживали. Я действительно опускался рядом с их стоянкой. Больно хлестнули по лицу еловые лапы; хорошо, что успел закрыть глаза. Я успел подумать о том, какая это радость, что подо мной хвойный лес, и тут по стопам не больно ударила мягкая земля. И почти сразу загорелись четыре ручных фонарика, и в несколько голосов раздались окрики на гортанном немецком:

– Руки вверх!

А теперь бой. Резко развернувшись, я дёрнул левой рукой ремень на груди, освобождаясь от лямок парашюта, и четыре раза выстрелил. Практически очередью, но для каждого немца с фонариком была своя пуля. Те попадали, а я повёл плечами, скидывая лямки парашютной системы, и шагнул за дерево. Оно тут же затряслось от попадания пуль, и я как раз вовремя упал на старую хвою, иначе достали бы: ствол был тонким. Стреляли по мне, как я определил, один МП и несколько карабинов.

Фонарики, падая, светили во все стороны, но вокруг меня была мёртвая зона, тут было темно. Я открыл огонь по мечущимся у машин теням. Каждому по пуле: не убью, так хоть остановлю. Пистолет у меня был снаряжён не по инструкции: один патрон в стволе и восемь в магазине. Восемь выстрелов – и выкину пустой магазин из рукоятки, а потом подберу и вставлю запасной.

Не взводя затвора (напомню, патрон в стволе), я продолжил вести прицельный огонь. Четыре выстрела – и всё, немцы перестали метаться. Я слышал стоны, сдавленный мат на немецком и как двое взводят затворы своих карабинов, выбивая стреляные гильзы.

Лёжа за деревом, я скинул лямки вещмешков, да и ППШ тут же оставил, он мне пока не нужен. Раз мне обещали безразмерное хранилище, то, побив немчуру (кстати, что-то маловато их для колонны), может, что-нибудь и приберу. Правда, хранилище не сразу заработает, придётся пока спрятать, но ничего страшного, есть где: тут кругом сплошные леса. Я находился где-то между Великим Новгородом и Вышним Волочком, в зоне наступления армии Петровского.

Помня о трофеях, я стрелял по теням, стараясь не повредить технику. Мне сказали, что колонна танковая, но я рассмотрел в темноте несколько силуэтов грузовиков. Глядишь, пригодятся. К слову, я опустился в пяти метрах от обочины дороги. Там на ветвях до сих пор купол парашюта белеет. Штурман как будто специально метил, чтобы я тут опустился.

Я по-пластунски ушёл в сторону, ладонью проверяя перед собой дорогу, чтобы что-нибудь подо мной не хрустнуло. Дважды выстрелил на звук, по тем двум, что так громко перезаряжали свои карабины, и тут же откатился в сторону, так как на звук моих выстрелов, в свою очередь, сработал МП, взрывая пулями старую хвою. Он высадил весь магазин, но по мне не попал.

Зато я одиночным выстрелом снял автоматчика. Тут нужно было работать ювелирно, потому я и оставил с вещами свой ППШ. Достав из кармана камуфляжных брюк запасной магазин, второй и последний, я приготовил его. В пистолете оставались два патрона: один – в стволе и один – в магазине. Немцы продолжали палить. Выстрелив в ответ на звук выстрела, я услышал шум падения (брякнул металл о металл), быстро поменял магазины, выстрелил ещё четыре раза и снова сменил позицию, укрывшись за стволом следующего дерева.

И тишина. Слышны только стоны раненых, и всё. А ведь я всех кого нужно поразил, семнадцать человек, я считал. Теперь зачистка. Однако торопиться не стоит. Я извлёк недострелянный магазин и, достав из другого кармана брюк патроны, снарядил ими оба магазина, после чего, снова зарядив своё оружие, скользнул к дороге.

Переползая от ствола к стволу (под ёлками не походишь: нижние ветви низкие, кое-где руками приходилось поднимать, чтобы проползти), я стрелял на шум. Пять выстрелов – и стоны прекратились. Вот теперь была она, нужная мне мёртвая тишина. Я быстро подобрал все четыре фонарика, три выключил, а с четвёртым обошёл тела. Семнадцать насчитал, убедился, что живых больше нет.

Ну, и стало ясно, почему танки не были использованы в этой схватке. Оказалось, я, когда стрелял по мечущимся теням, первыми поразил танкистов. Все шестеро тут лежали, в чёрных комбинезонах. Четверо, что неудивительно, были в наших советских танкистских шлемофонах, двое других – в пилотках. Я обошёл технику, которой тут было шесть единиц, изучил документы, собранные с тел, и стал разбираться, что за подразделение мне встретилось, потому что состав техники ввёл меня в недоумение.

Танков тут было, три единицы, но все советские. Два Т-40, один с ДШК в башне, а второй – со ШВАК-Т, 20-миллиметровой пушкой. Третьим танком был редкий Т-38М, их и выпустили-то всего десять единиц. Мне нравилось в этом танке то, что машиной может управлять и командир, там дублировано управление.

Автотехники тоже было три единицы. Среди них два однотипных французских бескапотных двухосных и полноприводных грузовика. Мне уже встречалась одна такая машина в сорок первом, очень редкая модель, французы строят их для вермахта. Обе машины сорок первого года выпуска, не особо и потасканные, хотя побегали немало: у одной – тридцать тысяч пробега, у другой – тридцать четыре. Третий грузовик – нестандартный «Опель-Блиц», тоже двухосный и полноприводный. Новенькая машина этого года выпуска.

И вот к какому выводу я пришёл. Была сформирована ягд-команда для борьбы с партизанами или диверсионными группами, ну или несколько, входивших в одно подразделение. В этой группе были и танки, причём советские, вон кресты намалёваны, серой краской броня покрашена. Видимо, одна такая ягд-команда загнала наших куда-то в болото или на остров, где потребовалась именно плавающая бронетехника: как видите, состав довольно ясно на это указывает. Вот и шла колонна в ту сторону, да ночь их в дороге застала.

Теперь по составу колонны. Шесть танкистов и два шофёра с «французов», плюс офицер, старший колонны, были в форме СС. Это девять человек. Те шестеро, что из третьего грузовика, были миномётчиками из пехотной дивизии, плюс шофёр и командир расчёта – ещё восемь человек. Вообще, у таких ягд-команд свои миномётчики, но тут, видимо, потребовался крупный калибр или, может, не могли дотянуться батальонными (у них вроде дальность – два километра), вот и позаимствовали у пехотинцев этот расчёт.

К прицепному устройству грузовика был присоединён поставленный на колёсный ход советский полковой миномёт калибра 120 миллиметров. В кузове лежали штабеля ящиков с минами, боекомплекта два, не меньше. Хотя нет, полтора примерно. Часть кузова была освождена для перевозки расчёта, который использовал ящики с минами в качестве лавок. В двух других грузовиках были боеприпасы для трёх танков и топливо к ним, полные кузова. Причём топливо было наше, в бочках: видимо, знали, что их синтетическое быстро заперет наши движки.

Немцы не меняли штатное вооружение танков, как обычно любят это делать, пользовались нашим. Хотя зря я эти бронемашины танками называю. По моей личной градации это танкетки. Всё, что весит меньше десяти тонн, не имеет пушечного вооружения и брони хотя бы 20 миллиметров, – всё это танкетки. Хотя по стандартам РККА это именно танки, лёгкие, но танки.

Однако для меня эти бронемашины идеальны. Экипаж – два человека, но я и один справлюсь. Во всех трёх машинах можно перебираться с места механика-водителя на место командира-стрелка и обратно. Не сразу и не быстро, особенно на Т-40, из-за коробов с патронами, но возможно. А на Т-38М управление бронемашиной вообще дублировано у командира. Терять эту захваченную технику я не желал категорически, она мне нужна.

Ну а пока начал возиться с телами, снимая с них всё ценное, и продолжал обдумывать ситуацию, в которую попал.

– Гад! – отчётливо разнеслось над дорогой.

Разогнувшись над телом офицера, с которого начал сбор трофеев, я закрутил головой. Сообразив, наконец, что это те порталышки, я поднял средние пальцы обеих рук и сказал:

– Спасибо за подарок.

А после продолжил возиться с трупами. Сначала всех раздел до исподнего, потом по одиночке оттащил их в лес метров на сто пятьдесят, чтобы до дороги не доносилась вонь разложения и трупы не сразу нашли. Там был удобный овражек, заполненный водой: места-то болотистые. Время полпервого, нужно найти укрытие и перегнать туда всю технику, ну а потом ожидать, когда запустится хранилище. Я знал, что оно есть. Не могу описать свои ощущения, но я чувствовал, что то «зёрнышко» начало работу.

Вся эта техника идеально подходила мне как диверсанту. Жаль, мотоциклов не было, что странно, но ничего, ещё добуду. Идея их использования у меня была такая: подбираюсь к месту будущей засады, не выдавая себя шумом движения бронетехники, достаю танк, занимаю место командира и открываю прицельный огонь, а потом сматываюсь на танке, тут уже и пошуметь можно. Возможности открывались просто шикарные.

Петровский сказал, чтобы я набирал тут народ, но нет. Это не степи Украины, где один в поле не воин. Тут леса и болота, и мне комфортно воевать именно одному: так я не засвечу

хранилище. Пусть размеры его небольшие, как раз для личного использования, но я и этому рад, а быть складом для кого-либо я не желал категорически.

Но сейчас пока не до хранилища. Пока я изучал трупы, снимая с них всё, что может мне пригодиться. И если с солдатами СС всё было ясно, то вот миномётчики меня насторожили.

Похоже, командир миномётного расчёта воевал в Африке: к его ранцу в кабине «Опея» был приторочен ПП Томпсона, «Томми-ган», как его показывают в фильмах про итальянскую мафию в Чикаго тридцатых. Видимо, унтер тоже фильмы смотрел, из-за этого его и прихватил, редкий экземпляр. Дисковый барабан, рукоятка спереди к стволу крепится. В ранце я нашёл два запасных диска и кобуру с кольцом M1911.

А почему я решил, что командир из Африканского корпуса? На кинжале была пальма – тактический знак этого корпуса. Патронов немного, около сотни рассыпью. У пистолета и пистолета-пулемёта один бое запас, как у моего личного оружия, удобно. У остальных оружие было штатное. Да и дивизия эта мне известна: я читал сводки, она стоит на левом фланге наступления армии Петровского. Колонна эта ехала от фронта и расположилась на обочине.

А пока стоит описать, что я взял из трофеев кроме бронетехники и грузовиков. С тел я снял восемь пистолетов: шесть – с танкистов, один – с офицера (это был унтерштурмфюрер СС, что соответствовало званию лейтенанта, ниже просто не было) и один – с унте ра, командира миномётного расчёта. Теперь у меня было пять вальтеров, три парабеллума и отдельно считаю кольт.

Из пистолетов-пулемётов было пять МП-40 – с офицера, унтера-миномётчика и трёх танкистов: оказалось, что по одному ПП входит в штат бронемашин. Там, на спинках сидений командиров, висели и подсумки с запасными магазинами к ним. Стоит отметить, что у простых танкистов было по одному подсумку с тремя запасными магазинами, тогда как у офицера и унтера – по два подсумка с тремя магазинами в каждом. Ну и плюс ПП Томпсона.

У шофёров и миномётчиков были карабины Маузера, девять штук. Ручных пулемётов не было, только штатное вооружение танкеток. Всё это я складировал в кузов машины с минами, а также и всю форму, обувь и амуницию. Документы немцев я сложил в планшетку, снятую с офицера, потому что своей у меня не было. Наспех же собирался: приказали – и уже лечу.

Когда закончил с вещами, перетаскал тела. Потом, подсвечивая себе фонариками, сначала одним, пока он не сел, потом вторым, замёл следы срубленными ветками. Свои вещи перенёс в передовую танкетку с автоматической пушкой. Колонна стояла так, что впереди находились два Т-40, потом – все три грузовика, и замыкающим был Т-38М.

Судя по карте офицера, им нужно было проехать ещё километров тридцать, а после свернуть, но куда дальше, неясно. Во всяком случае, куда бы немцы ни катили и против кого ни должны были бы воевать, я надеюсь, что наши смогут отбиться и уйти. Я сейчас находился на трассе, ведущей из Твери на Великий Новгород. Да, я знаю, что сейчас не Тверь, а Калинин, но мне так удобнее. Я даже числюсь за штабом 21-й армии Калининского фронта, которую недавно передали с Западного фронта на Калининский.

Трасса днём должна быть оживлённой, но по ночам тут никто не ездит: боятся немцы. Вот и эсэсовцы, выехав явно позже необходимого, встали переждать тёмное время суток. Причём костёр у них был, я нашёл пепелище. Ужин готовили, а поев, освещали стоянку, но, видимо, когда услышали гул самолёта, костёр сразу потушили, залив водой. Поэтому я их и не видел. Но меня предупредили, и все этой встречи ждали. Хорошо, на моей стороне победа оказалась.

Я прибрал все гильзы и замёл веником следы, включая следы волочения тел в лес. Свои вещи убрал в передовую машину. Сдёрнул с ветвей купол парашюта и, свернув его в комок и убрав в парашютную сумку, закинул в кузов третьей машины, той, что с минами. Туда же я сложил всё оружие с немцев и другие трофеи. У других машин кузова и так были полные. Машины были тентованные, только у третьей задний полог распахнут, но это и понятно, почему.

Теперь стоит поискать, где укрыть технику. Причём можно не загонять её слишком глубоко в лес, главное, чтобы следов съезда не было видно. Идти по дороге и искать съезды смысла нет: старые поди рассмотри. Нужно по опушке идти, вот я и двинулся бегом, освещая всё вокруг фонариком. Километра два пробежал, потом в обратную сторону, по другой обочине, и, не доходя метров четырёхста до колонны, обнаружил старый тележный след. Дорога уже заросла, ею давно не пользовались, но это было именно то, что мне и нужно.

Изучил я её на километр – там дальше оказались топь, болото и поломанная гать. Я вернулся к стоянке, завёл всю технику, сел в передовую танкетку и, стронув её с места, покатил к съезду. Поставил тут бронемашину и так, по одной, перегнал сюда всю технику, заглушая по прибытии двигателя: мне тишина нужна, чтобы услышать противника издали.

Закончив, я снял лопату с передового Т-40 (немцы аккуратисты: положено иметь шанцевый инструмент – они имеют) и начал выкапывать на опушке кустарник, а после относить его в сторону. Сделав проход, загнал технику в лес, почти к гати, вернулся и стал вкапывать кустарник обратно, маскируя место раскопок старой листвой. Даже усилил кустарник, выкопав в лесу кусты и посадив их тут же.

Потом в лесу я откапывал дёрн и аккуратно укладывал на место колеи: техника гружёная, тяжёлая, изрядную колею в мягкой почве продавила. Потом с веником прошёлся по дороге, заматывая следы. Поправил лопатой следы в месте съезда и снова прошёлся веником сверху. Изучив внимательно место боя, нашёл ещё несколько незамеченных ранее гильз и снова поработал веником. Вернувшись с ведром, найденным в одном из грузовиков, полил корни пересаженного кустарника, чтобы не помер.

Уже светало, когда я вернулся к колонне. Стал укладывать всё ценное в передовую танкетку. Если обнаружат, рвану на ней по лесу прочь. Я посмотрел путь, в принципе, уйти можно, главное не разуться: узкие гусеницы – беда этих машин.

С утра по дороге друг за другом начали движение колонны, окончательно скрыв следы боя. Я при свете дня поправил маскировку, полил дёрн, взяв воду в луже из оврага. Всё изучил. Ну а потом, поужинав, лёг спать. А есть, кстати, очень хотелось: видимо, влияние хранилища, которое, разворачиваясь, требует энергии. Хотя это странно, приписывается оно к душе, а отклик идёт физическому телу. Может, душе тоже энергия нужна? От пищи? Тогда да, всё сходится. Только вот беда – поел, сытость почувствовал, а через час снова есть хочу. А еда сытная, макароны варил с тушёнкой.

Перед сном, посасывая трофейную галету, я прикинул насчёт порталыщиков. Я сильно сомневался в том, что у них есть машина времени. Перед своей гибелью я читал зацепившую меня книгу одного учёного, который описывал параллельные миры. Я был согласен с ним в том, что путешествовать в прошлое нельзя, а шастать по параллельным мирам, где время, в отличие от твоего родного мира, течёт в разные эпохи, вполне возможно.

Видимо, кто-то собрал такую установку, и вот пользуются. И цивилизация, судя по всему, довольно развитая, раз имеет матрицы по выращиванию безразмерных хранилищ. Конечно, размеры у них есть, вполне определённые, но всё равно это классная штука, и отказываться от неё я категорически не желал. Нет, конечно, могу и без него прожить: тайники знаю, где, что нужно, куплю. Но в том и разница, что хранилище заполнил – и пользуйся, когда нужно. А к схрону нужно топать, продавать ценности, чтобы купить необходимое... Время-то теряется.

Не-е, подарку в виде хранилища я был очень рад.

* * *

Восемь дней пролетели как миг. Сейчас я, замаскировавшись, лежу на опушке, наблюдаю за постом регулировщиков и размышляю. Восемь дней – именно столько времени прошло с момента боя на дороге и захвата колонны техники. Что я делал эти восемь дней? Машинами

занимался, трофеями, наблюдал за дорогой. Судя по нервному движению, бои идут уже серьёзные. Жаль, рации нет, я бы послушал. У немцев раций тоже не было, даже у миномётчиков. Видимо, им на месте должны были радиста с прибором выдать для корректировки ударов.

Я перебрал трофеи, в том числе и ранцы, определив, что забрать, а что отправить в мусор. Нашёл шесть биноклей: три от танкистов, один офицерский, один у унтера-миномётчика, и у него же в ранце – морской, вроде британский. У офицера нашёл фотоаппарат «Лейка» с запасом плёнок и полный фотоальбом – для него память, а для нас свидетельство зверств ягд-команды. Особистам потом передам со всеми бумагами, что взял в колонне.

Портальщики больше не появлялись: видимо, махнули на меня рукой, чему я был рад. Хранилище заработало через семь дней, и я понял сразу, когда это случилось. Картинка, пока с пустыми файлами, замерла перед глазами. Я поиграл, убирая и разворачивая её с помощью флажка в верхнем левом углу, а после стал экспериментировать и разбираться, как это работает. Убрав, наконец, добычу в хранилище, я с немалым облегчением вздохнул. Всё заработало, и я был счастлив.

Постоянно сосущий голод начал стихать. За это время я не только всё своё подъял, но и запасы немцев порастряс. У них они тоже были небольшие, но дня на три всему личному составу хватило бы. Я свои припасы, рассчитанные на десять дней, съел за два, да ещё и немецкие ополовинил.

А колонну искали, ох как искали. Я видел, как немцы на мотоциклах медленно ехали и изучали обочины, а потом, через несколько дней, и пешком проходили. Однако не помогло, я за эти дни хорошо всё замаскировал.

Хранилище работало так: убираешь касанием вещь, и перед тобой появляется список, который можно листать вниз. Каждая вещь высвечивается картинкой. Всё понятно, для дикарей сделано, «бусы» мне подарили. Причём у каждой вещи своя картинка: у пригоршни патронов – своя, у одного ящика со снарядами – своя, у штабеля – своя. Так что не забуду, что положил. Полистал список, нашёл, что нужно, и достал. Удобно.

По этой причине я и убирал всё отдельно. За это время я обслужил танкетки и грузовики (надо же было руки куда-то приложить), заправил их, боеприпас проверил, отстирал комбинезоны, шлемофоны, и всё прибрал. Сначала отправил в хранилище три единицы бронетехники, и в меню появились их картинки, с крестами на башнях. То, что было в кузовах грузовиков, отправил следом. Отдельно убрал миномёт и отдельно – каждый грузовик. Мне они нужны пустыми, перевозить грузы мне не требуется, для этого хранилище есть, а грузовики меня будут катать.

Миномёт был наш, но мины к нему немцы уже сами производят, судя по маркировкам на ящиках. Он был выпущен в августе прошлого года и, видимо, захвачен в боях. Немцы его очень уважают. К слову, ДТ-29, танковый пулемёт, довольно прожорлив. Все диски, согласно штату, находились на своих местах в бронемашинах, но если к основному вооружению боезапаса было достаточно, то винтовочного калибра всего четыре ящика. Это восемь цинков, восемь тысяч патронов – мизер.

Я обслужил всё личное оружие немцев, почистил и снарядил. Форму отстирал, от попорченного избавился, но немало и оставил. Для себя подобрал два комплекта формы и три комбеза, дыры зашил. Для каждого оружия – свой лот, как я это называл. Карабины я обматывал ремнями с подсумками с боеприпасами и убирал. Также и автоматы, и пистолеты, чтобы кучей не доставать. Что важно, вес хранилище показывало во вполне русских килограммах, видимо, само под меня адаптировалось. Удобно.

Общий вес бронемашин – пятнадцать тонн с небольшими килограммами. Тут и полная заправка, и боекомплект. Три грузовика едва потянули на восемь тонн. А остальные трофеи весили четырнадцать с половиной тонн. Общий вес добытого, как показало хранилище, – тридцать восемь тонн и триста двадцать два килограмма. Уже неплохо. Больше бронетехнику брать

не буду, если только «тридцатьчетвёрку», остальное не интересует. Буду набирать то, что нужно для удобства жизни и для быта.

Глава 2. Ожидание

Как только я всё убрал в хранилище, сразу покинул место стоянки, несмотря на то что уже наступил вечер и часа через три стемнеет. При мне были только ППШ и ТТ, а всё остальное в хранилище, включая оба сидора. Вот так воевать можно, вот это я понимаю, комфорт. Двигаясь рядом с дорогой, я отмахал километров десять, и это порядочно. Почти всё время бегом: нужно форму вернуть, а то задыхаюсь.

Вышел к речке. С этого места мне были отлично видны оба моста: как автомобильный, по которому сновали колонны, так и повреждённый железнодорожный (явно наша авиация поработала), который сейчас восстанавливала ремонтная бригада. Ну, я и решил тут повеселиться, так скажем. Миномёт есть, цели вижу, а песчаная коса на небольшой излучине реки – отличное место для позиции. С той стороны меня не видно, а мне стоит только привстать на цыпочки, и вот они – вблизи автомобильный мост и чуть дальше железнодорожный.

В темноте я переплыл речку, разбил лагерь и хорошо выспался. Проснулся засветло, позавтракал и, установив миномёт (а тяжело ворочать его одному), стал готовить мины. Немцы проснулись, тоже позавтракали, и к семи утра началось активное движение по трассе. Пока железнодорожный мост был перекрыт, они использовали автомобильную дорогу.

Я приготовил тридцать мин. Чёрт его знает, сколько их потребуется. Примерно на глаз прикинув, куда полетит мина, покрутил штурвальчики (да вообще наугад), опустил первую мину в ствол и сразу закрыл уши ладонями. Вроде всё правильно сделал и мины как надо снарядил. Хлопок – и мина ушла в полёт, а я тут же вооружился биноклем и стал ожидать разрыва.

Разрыв поднялся у железнодорожного моста, практически рядом, можно сказать, накрытие. Но целился-то я в автомобильный, а он на три километра ближе, всего в километре от меня. Хотя то, что попал в реку, уже порадовало, пусть она узкая, но мина и на берегу могла рвануть. Ладно, железнодорожный мост так железнодорожный.

Я чуть подкрутил штурвальчики. Тут, к слову, удобное грузило на бечёвке висит, удобно выводить горизонталь. Это, если проще, значит ориентироваться, как миномёт стоит, его блин, ровно или нет. С каждым выстрелом поднос садился крепче, так что точность выстрелов была высока. Третьей миной я попал в мост, полетели обломки.

Пристрелявшись, так и бил по полотну от одного берега до другого. Досталось и ремонтному поезду. Там в топке держали пар, и это давало мне возможность ориентироваться по дыму. Судя по тому, как полыхнуло, я попал прямо в котёл. Честно – случайность. Двадцать мин потратил, но мост изувечил серьёзно. Он не рухнул, но на ремонт им теперь больше времени потратить придётся.

Теперь автомобильный. Что удивительно, на обстрел там не обращали внимания, колонны по-прежнему шли. Причём шли сами: мост был широкий, а регулировщиков нет, только охрана. Вот охрана в конце концов и забеспокоилась. А когда я прямо на них прицел навёл и две мины потратил, наблюдая, где встают разрывы, они вообще ударились в панику. По верху моего укрытия прошлись зенитками, засыпав меня песком, и чё?! Я в мёртвой зоне.

С каждым разом я стрелял всё точнее, да тут и ближе, а потому всё хорошо видно. Это по железнодорожному я стрелял, используя морской бинокль для наблюдения. Это мощь, и миномёт, и бинокль. Не стоит думать, что я выпускал мины на скорость: не успела одна подняться в небо, а уже другая в стволе, как работают опытные расчёты. Ничуть. Выпустив мину, я наблюдал в бинокль, где она рванёт, и только после разрыва, если требовалось, поправлял прицел и опуская следующую мину. Так что огонь я вёл три минуты, пока мины не закончились.

Десяти мин автомобильному мосту хватило: он деревянный был, так что запылаха. Точнее даже, пяти, потому как две я потратил на прицеливание (классическая вилка была), пятью

напрочь разрушил полотно, а последние три пустил по правому берегу, где стояла техника. Похоже, в топливозаправщики попал, красиво горели.

Но хорошего понемногу. В мою сторону уже бежали немцы. Очень злые немцы. Поэтому, убрав миномёт, я рванул прочь. И ушёл. Тут вокруг леса, поди слови. А вообще, мне понравилось использовать подобное оружие. Даже если бы был танк с пушкой, вряд ли результат был бы лучше; во всяком случае, я очень сильно сомневаюсь. Жаль, мин мало, чтобы так повеселиться.

Одна из моих задач – уничтожение аэродромов противника. Я уже советовал диверсантам использовать для ударов по авиации миномёты, и идея оказалась вполне даже удачной. Воспользуюсь ею. Только мин нужно больше, у меня около сорока осталось. Да, такой вот боезапас был у миномёта, кузов у грузовика не резиновый. Зато хорошее дело сделал, начал работать по вражескому тылу.

Весь день я убегал, могли ведь и собак по следу пустить. Всё, что мне в голову приходило, чтобы таких следопытов со следа сбить, я использовал. По рекам уходил, по болотам. Один раз вышел на трассу, пока она пустовала (мост-то я разрушил), достал грузовик «Опель» и проехал на нём километров двадцать в сторону Новгорода. Дальше на карте был указан перекрёсток, я до него не доехал, а убрал машину и ушёл в лес.

Вот так я и встретил восьмой день. Мысленно прокручивая события прошедших дней, лежал на опушке, наблюдая за постом регулировщиков. Хочу фельджандармов поймать, они многое знают. Надо будет брать их ночью, как стемнеет, а пока есть время, отдохнём. Я так устал бегать по этим зарослям.

Ушёл вглубь леса, отбежал подальше и сделал лёжку. Поел горячего супа: у меня в хранилище были два котелка готовых блюд. Остальную провизию необходимо готовить. Надо будет как-нибудь выделить на это время и приготовить про запас. Поев, я улёгся спать.

Причина того, что я решил напасть на пост в темноте, заключалась в том, что фельджандармов тут не было. Были трое солдат-регулировщиков, обер-ефрейтор за старшего, и охраняло их аж целое отделение солдат. Ну да, я говорил уже, какая ценность эти фельджандармы. Наши разведчики и диверсанты специально на них охотились и в итоге так сократили их поголовье, что они стали вымирающим видом. Скоро в Красную книгу внесут. И шутки в этом особо и нет, факты излагаю.

Тогда получается, что и аэродромы серьёзно прикрыты. Миномёты против них не раз использовали, и немцы выработали тактику охраны и против миномётчиков. Ничего, я ещё что-нибудь придумаю. Шансов подобраться к посту днём всё равно нет: будет бой, и вряд ли я буду иметь в нём преимущество.

И представляете, я проспал. Стыдоба. Утром, матерясь, позавтракал и сбегал к посту. Потом снова лежал, уже на другой лёжке, и размышлял. Шансов днём нет, скорее меня загасят, так что уходим. Сидеть тут до следующего вечера я желания не имел. Под вечер снова вернусь сюда и продумаю, как взять пост. Пара идей уже есть, но может, ещё что появится.

А до вечера лучше побегаю вокруг, поищу, что к рукам прибрать можно в качестве трофея. Может, что ценное попадётся, главное, взять без повреждений. Сейчас-то есть куда убирать. Стоит, пожалуй, рвануть обратно: я там вчера, когда мимо проезжал, видел лесное озеро в стороне от дороги. С одной стороны просвет и дорогу с берега видно – отличное место для отдыха. Может, кто соблазнится и попадёт в мои сети? Вот так я и устроил себе шестикилометровую пробежку по лесу.

И знаете, даже сети ставить не пришлось, тут я бы их не вытащил, столько добычи. На берегу озера стоял целый табор из автомобилей, и офицеров хватало. Похоже, пока дорога была закупорена (думаю, скоро сапёры наладят переправу), они и отдыхали тут, рыбачили. У меня слюнки побежали, когда я увидел бамбуковые удилища, вот это отличный трофей, я и сам рыбачить любил. В тени стояли палатки, на костре жарили тушу подсвинка: похоже, дикие

кабаны вышли к озеру на водопой, вот и удалось мелочь подстрелить. А запахи ничего, вон обед уже почти готов.

А сколько техники тут было разной... Вся линейка европейского автомобилестроения, в основном, конечно, германского производства, но были и итальянки. Мотоциклов штук шесть, все с колясками и пулемётами, полтора десятка легковых автомобилей, а также шесть грузовиков – это, видимо, охрана. Один из грузовиков был радиальный, из КУНГа в открытую дверь выглядывал радист, в трусах и майке, но с наушниками на голове. Второй – пушечный броневик, двухосный, полноприводный. Ещё были три «Ганомы» и «Опель-Блиц», в кузове которого стояла двустольная зенитка, и расчёт вполне себе бдел.

А самих немцев тут было под сотню, может, чуть больше. В озере играли в водное поло, над водой разносился многоголосый крик. Офицеры в возрасте загорали на берегу, на песке, лениво общаясь. Идиллия, да и только. Однако и тут мне до темноты делать нечего: охрана более чем серьёзная. Сразу прочешут из пулемётов кусты, только пошевелили ими.

Вот так, ругаясь на несчастную долю диверсанта – нигде поработать нельзя, – я отбежал к дороге и достал пушечный Т-40. Против него у немцев ничего нет, а зенитку и броневик я первым делом сожгу. На дороге было пусто, прошла только небольшая колонна в три грузовика с охраной в виде мотоцикла с пулемётом. Судя по брёвнам в кузове, для ремонта моста. Что, ещё не починили? Странно, должны были уже. Немцы понимают, насколько важны обе дороги, и должны были бросить все силы на восстановление хотя бы автомобильного.

Наверное, все объездные пути забиты техникой. Так-то сутки прошли, по времени могли бы и успеть. Видимо, что-то задержало ремонт. А вообще, мне остро необходим знающий язык, а то я как слепой и глухой во вражеском тылу, ничего не знаю, а вопросов много накопилось.

Почему немцы не использовали понтонный мост? Речка глубокая, но неширокая. Наши взяли Калинин или нет? Я, между прочим, тоже участвовал в разработке операции. В лоб его никто брать не будет, обойдём по флангам, и армия продолжит наступать. Блокировать город будут войска второго эшелона, у нас и такие есть. А наступать будут как раз по этой дороге: тут леса, других дорог нет. Другие армии пойдут по параллельным дорогам, если там что есть.

Ладно, не об этом сейчас. Когда колонна с брёвнами ушла, я достал танк, проверил ленту со снарядами, взвёл пушку и пулемёт, сняв с оружейных стволов чехлы, защищающие от пыли, и, устроившись на месте механика-водителя, запустил движок, стронулся с места и уверенно покатил по дороге к повороту на озеро. Оттуда дорогу плохо видно, но слышно, дальше пологий спуск метров сто и будет берег, весь заставленный машинами. Вроде не так уж много тут места, но хватило и для палаток, а на песчаном пляже, похоже, готовили волейбольную площадку – зарывали две длинные жердины, но что вместо сетки, я пока не видел.

Моё появление вызвало удивление и лёгкое замешательство. Вроде свой, кресты видны, тактический знак подразделения СС, но сам танк русский. Однако, видимо, кто-то из офицеров прекрасно знал, что подобный танк пропал у СС, потому что двое вскочили и завопили. Я их не слышал, но видел, как они открывают рты и как остальные сразу засуетились. Расчёт закрутил штурвалы, наводя на меня стволы зенитки. Чёрт, быстро они.

К тому моменту моя танкетка, клюнувшая носом, когда я нажал на тормоз, уже стояла, а я как можно шустрее ввинчивался с места мехвода на место командира-стрелка. Я успел первым. Чуть повернул башню и ударил короткой очередью. От зенитки что-то отлетело, и наводчик был разорван. Я тут же начал бить из спаренного с пушкой ДТ по радиальной машине и по разбегающимся немцам, многие из которых поспешно выбирались из воды.

По технике я сначала старался не стрелять, но потом плюнул и стал лупить и по ней, потому что немцы использовали её в качестве укрытия. Трофеи ещё будут, а тут одних офицеров более четырёх десятков. Были и полковники, я так думаю. Краснолампасников не заметил; может, и были тут генералы, но поди пойми.

Пушкой я работал редко, не было тут для неё целей, двадцать снарядов всего выпустил – по зенитке, броневика и радионной машине, которая после зенитки была второй моей целью. Радионная и броневик горели и дымили, но это не особо мешало мне работать из спаренного с пушкой пулемёта. Хорошо поработал, пять дисков расстрелял. В лес ушли едва ли три десятка немцев, без оружия, обнажённые.

Из четырёх пулемётных расчётов, что охраняли отдыхающих, я два успел положить, два других отступили в лес. Один всё постреливал по мне, пули так и звенели по броне, но я дал в их сторону короткую очередь из пушки, и больше они не стреляли. Именно из-за них о трофеях я и не думал. Ещё подстрелят, не помирать же мне из-за какого-то добра? Будут ещё у меня хорошие трофеи. А пока я скрупулёзно расстреливал всю технику, большая часть которой уже горела, по палаткам стрелял, иногда по опушке работал, чтобы не приближались.

А потом, перезарядив пулемёт (к пушке половина боезапаса ещё была, точнее, половина первой ленты), я вернулся на место мехвода, покинул берег озера и выехал на дорогу. А там подарок – колонна грузовиков, девять единиц с бронетранспортёром в дозоре (видимо, для охраны), от расстрелянного мной моста едут. Правда, грузовики, как я видел, порожние, часть с открытыми кузовами, но это не помешало мне расстрелять их из пушки. Я сразу перебрался на место командира и открыл по ним огонь.

Немногие выжили и смогли уйти в лес, а я, отъехав километра на два, как раз в сторону поста, убрал танкетку в хранилище и побежал прочь от дороги, вглубь леса. Сейчас, после бойни у озера, сюда всех подтянут и ловить меня будут серьёзно. Валить надо. Так, делая круг, я как раз возвращался к озеру. Мне был нужен язык, вот и поищу его там, среди беглецов.

А у озера уже было изрядно народу в немецкой форме, набежали на стрельбу. И что меня особенно напрягло, некоторые были в камуфляжных куртках с кепи – в общем, СС, ягд-команда, по повадкам видно. Меня всего два с половиной часа не было, а сколько народу набежало. Занимались ранеными, тушили часть техники – в общем, суета стояла. Следопыты ягд-команды ушли по следам, остальные егеря двинулись за ними, и я вздохнул с облегчением.

Что я сделал? Переоделся под немецкого солдата, карабин за спину, мокрую самодельную повязку на лицо: многие так от дыма спасались, не использовали противогазы. Ну и стал бегать по берегу, собирать трофеи. Жаль, не так много их было, но зато попался жутчайший дефицит. Правда, меня пару раз окликали, привлекая к переносу раненых и трупов, сбору имущества или тушению техники, но это не помешало мне выполнить задуманное.

Первым трофеем стал мяч. Обычный такой, кожаный, явно футбольный, хорошо накачанный мяч. Поди найди такой, а тут – вот он, к камышам ветерком прибило. Ивовый веткой я подтянул его к берегу и незаметно убрал в хранилище. Потом двинулся к месту, где видел рыбака с бамбуковыми удилами. Тому, видимо, крики игроков в озере ничуть не мешали спокойно рыбачить.

Удочки были тут, ничуть не пострадали, три штуки на рогатках, все бамбуковые. Причём, вытаскивая их и пока не сматывая, а прямо так убирая в хранилище, я обнаружил на крючках двух рыбёшек, мелких карасиков. Тут же стоял ящик, на котором сидел немец. В нём я нашёл запасы снастей, донок, лесок, крючков, да всего для рыбалки. Целое богатство. Тоже прибрал.

А немец был явно большим любителем рыбалки. Рыбачил он с комфортом: рядом распустились большой зонтик от солнца и раскладной столик, на котором стояли стакан, пепельница и термос с какао. Всё это я тоже незаметно прибрал. С царящей вокруг неразберихой на меня особо не обращали внимания. Жаль, у него спиннинга нет. Или есть? Скорее всего, сгорел в машине.

Когда я на носилках переносил очередной труп к машине, куда их грузили, чтобы, как я слышал, отвезти в Новгород для похорон, я заметил в открытом багажнике соседнего дымившегося авто знакомый ящик. Никак советская тушёнка? Видимо, трофей. Правда, ящик был прострелен, но меня это не испугало, и, пробегая мимо, я одним касанием прибрал его. В том

же багажнике забрал и два ранца. Жаль, патефон был разбит пулей, зато запас пластинок ушёл в хранилище. А потом у палаток я заметил новенький аккордеон, пусть без чехла, но целый, и забрал и его тоже.

В стороне несколько солдат готовились к обеду: расстелили брезент, провизию укладывали. Я нагло подошёл и забрал шесть буханок белого хлеба, явно сегодняшнего. А в ответ на их злое возмущение нагло ответил, что лейтенант приказал. В принципе, можно было уходить: остальное мне здесь или не нужно, или немцы рядом, не прихватишь, Я незаметно ушёл в лес и там обнаружил убитый расчёт. Это были те самые, что из леса по мне из пулемёта лупили. Оружие целое, МГ-34, явно с мотоцикла снят. Рядом – четыре улитки на пятьдесят патронов каждая: две пустых, две снаряжённых. Видимо, я их срезал, когда они пулемёт перезаряжали. Я прибрал все трофеи, надо будет только отмыть их от крови.

Вот теперь можно было заняться тем, для чего я сюда и прибыл. Прихватил я, правда, не офицера, а солдата, отбежавшего в кусты по надобностям, но хоть это. Как тот закончил свои дела, я его оглушил и, взвалив на плечи, потопал вглубь леса, чтобы допросить его. Надеюсь, он хоть что-то знает, и дальше буду действовать, уже учитывая полученные сведения.

Для начала, Калинин наши обошли, в чём здорово помогли шесть понтонных батальонов, и уже ушли от города на восемьдесят километров. Сам Калинин блокирован, стоящие там немецкие войска отчаянно взывают о помощи, но наше крупное летнее наступление на север продолжается. При этом немало сил было брошено на юг, где провалилось наступление Юго-Западного фронта. Сил осталось не так и много, но для наступления хватит. Это хорошо для наших и плохо для немцев: войск у них тут мало, а крупные боевые соединения у Калинина сейчас в колечке. Пытаются вырваться, но не получается.

Так и есть, в этом направлении сейчас наступают аж три армии. Причём наша 21-я ведёт, а две другие держат тех, что в Твери засели и вокруг, постепенно сжимая колечко. Сил не то чтобы много, но пока удерживают. Можно было бы, конечно, целиком сосредоточиться на уничтожении немцев, но пока есть время, нельзя терять темп наступления, что и продемонстрировал Петровский. За десять дней его армия оставила за спиной сто километров, а ведь места для наступления здесь ой какие непростые.

Также я узнал по потерям немцев у озера. Пленный помогал офицерам составлять скорбный список погибших и раненых, черновики у него в кармане были, я переписал. Повезло с этим. Всю информацию я записывал в блокнот, вёл боевой журнал действий. Про уничтоженную колонну СС и про обстрел мостов там тоже было. Узнал также, что та колонна порожних грузовиков была не совсем порожней. Чёрт, оказывается, я раненых уничтожил. Да откуда мне было знать, что там тяжёлых перевозили? Крестов-то санитарных не было. Полыхали машины красиво.

По аэродромам немец информацией владел самой минимальной. Он был из комендатуры Великого Новгорода, там и аэродром у города имелся, вот по нему информации было больше, и я всё записывал. Целей там немало, и я решил, что мне нужно в Новгород, поэтому прирезал немца, предварительно собрав с него все трофеи, и побежал прочь. Я уже переоделся в свой советский камуфляжный костюм, а то тут наша разведка бродит, диверсанты бегают и даже партизаны есть. Подстрелят ещё, если в немецкой форме буду.

Пришлось делать большой круг, но я рассчитывал за три дня добраться до Новгорода. Уже под вечер, удалившись от места боя километров на сорок и перебравшись вплавь через две речки, я вдруг увидел впереди просвет и услышал петушиный крик. Никак хутор? Я достал офицерскую карту, всё того же эсэсовца, и глянул. Вообще, карта была точная, на ней были обозначения многих мест, даже нескольких охотничьих сторожек, но хутор почему-то не был обозначен. Странно всё это, но глянем.

На опушку я выходить не стал, мало ли что. Внимательно поглядывая по сторонам, осторожно двинулся дальше. Я сегодня недалеко от места боя у озера уже наткнулся на свежее

минирование. Хорошо, засёк случайно натянутую нить и смог изучить немецкие мины. Это были «лягухи», поставленные на растяжку: тронь леску – и подрыв. Я час убил, но двадцать шесть мин снял, пригодятся, да и тропу проложил. Причём готов был поклясться, мины поставлены на днях, свежие. Надо будет чуть позже снова на том участке поработать: мины интересные, пригодятся.

Ну а пока, приблизившись к опушке, я закинул верёвочную петлю (трофей с эсэсовцев) на ветку дуба, поднялся метров на шесть и оттуда сквозь листву в бинокль изучил хутор. Он был отлично скрыт от наблюдения с воздуха, видимо, поэтому его и не обнаружили.

Увиденное меня изрядно озадачило. Такое я мог наблюдать в нашем тылу, но никак не в немецком. Небольшая поляна, на опушке с четырёх сторон расположились пять строений: большой дом, большой амбар, судя по трубе, отапливаемый, банька, скотник и коровник, совмещённый с конюшней. На лугу пасётся конь, а чуть в стороне – три коровы и бычок. Куры бегают, коза лениво пережёвывает траву. Огорода я не заметил, но где-то он должен быть. Все строения покрыты соломой и частично прикрыты ветвями деревьев, поэтому и обнаружить хутор тяжело.

Я наблюдал, как стайка детишек – трое, не старше десяти лет – играли у скотника. Дед с седой бородой вывозил на тачке навоз из курятника. Однако помимо них я заметил и советских военнослужащих: девушка в форме стояла на посту с карабином на плече, с каской, и скучала, откровенно позёвывая. Ещё две дивчины в нательных рубашках и юбках пилили на козлах брёвна.

Ну, допустим, разведгруппа здесь может быть, но чтобы три дивчины? Ой, сомневаюсь. Тут из-за угла дома вышла ещё одна девушка, и я даже рассмотрел сержантские треугольники в петлицах. Нет, тут что-то не так. Идём знакомиться. Но сначала нужно подготовиться.

Первым делом я обежал хутор кругом. Нашёл старую заросшую дорогу (вот почему немцы тут не появлялись) и тропинку. Пробежался по ней. На соседней поляне обнаружился огород. Тут же были ещё один колодец и бочки с водой для полива, водоёмов я рядом не видел. На грядках работали две женщины в гражданском, одна пожилая, другая моложе, лет тридцати, и ещё две девушки в советской форме.

Хм, я могу ошибиться, но, похоже, девушки из какого-то подразделения; видимо, во время наступления немцев прошлой зимой оказались тут и задержались, ожидая, когда эти территории освободятся. А тем временем хуторяне приставили их к делу. Странно, что в форме работают: изнасят и порвут же быстро. Какого-то другого объяснения у меня не было. Хотя стоит отметить сержанта... Они вполне могли переодеться под местных, но, видимо, та не дала и продолжала командовать девушками-военнослужащими, поддерживая таким образом дисциплину. Любопытно.

Женщины были так заняты выщипыванием травы на грядках, что заметили меня только когда я подошёл и, прочистив горло, приказал девушкам в форме:

– Представьтесь.

Все четверо замерли как суслики, рассматривая меня. А что, камуфляжный костюм из рубашки с капюшоном и брюк весь перебит ремнями: тут и поясной, и португез, и ремешок планшетки, и ремень ППШ, висевшего на правом боку. Да ещё ремешок бинокля на груди. Однако на голове вполне обычная пилотка с красной звездой. Пусть я невысок, что для танкистов норма, но, как говорят, ладно скроен и крепко сшит. Вот вещей нет, сидор я держал в хранилище; ну да пусть думают, что я где-то в стороне оставил вещи.

Несколько секунд все четверо на меня таращились, а потом обе девушки как-то одновременно всхлипнули, одна даже воскликнула: «Наш!» – и, вскочив, они рванули ко мне.

Я дал себя пообнимать, но потом всё же напомнил, кто тут командир, построил девчат и, козырнув, представился:

– Капитан Ветер.

Те тоже вытянулись, будучи без головных уборов (а вот это зря, солнце палит), и представились.

– Красноармеец Милошевич, – сообщила черноволосая красотка.

Она была красива настоящей русской красотой, и фигура уже сформировалась. Похоже, она самая старшая из девчат, лет двадцать пять, а остальным едва ли больше двадцати. Стоящей рядом девчущке, думаю, и восемнадцати нет.

– Красноармеец Юрьева, – представилась вторая.

– Кто такие? Что тут делаете?

– Обозники мы, – сообщила та, что постарше и явно побойчее. Похоже, привыкла к вниманию мужчин, вон и на меня с интересом поглядывает. – Когда в прошлом году в конце осени срочно формировали санитарный обоз, туда всех направили. Я телефонистка при штабе 256-й стрелковой дивизии, Соня – художник, карты рисовала. Двадцать человек набрали. Мы два раза до станций раненых довозили, а когда возвращались, нас на дороге атаковали немецкие танки. Все побежали, двух ранило – меня и сержанта Фомина. Нас было шестеро, мы вместе собрались, потом к нам ещё двое обозников вышли. Я сама шла, а сержанта мы несли. Долго по лесам шли, пока не вышли на хутор. С нами два мужика были, обозники, ушли на разведку и не вернулись. Немцы вокруг. Дед Михай приютил нас, так мы и перезимовали тут. Ходили к дороге, но только немцев и видели. Сержант Фомина оправилась, сказала, скоро к нашим пойдём... Скажите, товарищ капитан, а наши далеко?

– Наши наступают в этом направлении. Стояли у Калинина, немцы его взяли, но сейчас Калинин блокирован вместе с немецкими войсками, а наши наступают. Где-то примерно в ста пятидесяти километрах от нас. Надеюсь, через месяц уже тут будут. Кто тут ещё кроме вас?

– Старший военфельдшер Богданова, она у нас старшей обоза была, потом сержант Фомина, красноармейцы Мусина, Крапивина и Зиновьева.

– Это что, одни девчонки, что ли?

– Да, товарищ капитан.

– Ладно, сейчас идём знакомиться. Красноармеец Юрьева, бегом на хутор, предупредите о нашем приходе. А вы, товарищ Милошевич, пока представьте меня местным.

Девушка познакомила меня с дочерью деда Михая, вполне весёлой женщиной, и с её дочкой, внучкой хозяина хутора, которая была женой красного командира, эвакуировалась и вот добралась до родных с двумя своими детьми и сиротой, сыном красного командира, мать которого погибла. Она была мне чем-то знакома, и я всё пытался припомнить, где я её встречал, даже сказал ей об этом. Женщина ответила, что и ей моё лицо знакомо, и тоже пыталась припомнить, откуда.

Глава 3. Старые знакомые

– Вспомнил! – воскликнул я. – Двадцать третье июня, озеро у села, где немцы оборону держали. Мой первый бой, я за него первую награду получил, орден Красной Звезды. Командовал огнёмётным танком. Больше роты солдат заживо сжёг, а ещё пушки, грузовики, самоходки. Генерал Потапов лично меня награждал. Я тогда опрашивал местных мальчишек у озера, как незаметно попасть в село. Там я вас и видел.

– Помню! Молоденький сержант-танкист! – воскликнула она, и в её голосе проступало радостное узнавание. – Вы ещё сказали, что оставаться тут опасно, немцев надолго не сдержите, и велели уходить как можно быстрее. Мы успели, нас даже на поезд посадили, а там с пересадками добрались до родных.

– Вам повезло. Кстати, ваша фамилия Кириленко, а подполковник Кириленко, часом, не ваш супруг?

– Муж у меня майором был. Артиллерист. Он погиб в начале войны. Мне сообщили об этом его красноармейцы, прорвавшиеся из окружения.

– Ну да, артиллерист. Павел Семёнович, если мне память не изменяет.

– Так это мой муж. Он что, жив? – спросила она с надеждой, сложив руки на пышной груди.

– Был тяжело ранен в начале войны, но выкарабкался. Под Москвой в госпитале лежал. Хромает сильно, с палочкой ходит, служит при штабе Юго-Западного фронта. Я с ним весной познакомился. Хороший и опытный командир, одно удовольствие было с ним работать.

Я описал внешний вид подполковника, и женщина опознала мужа, хотя заметила, что седины у него раньше было куда меньше. Я сообщил, что за участие в разработке одной из удачных операций он был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Что с ним сейчас, не знаю, потому как меня перевели на другой фронт.

Мы направились к хутору, а там торопливо готовились встречать гостя, пыль стояла столбом. Фомина построила девчат, которых действительно оказалось шестеро, и все молоденькие девушки, хотя военфельдшер и Милошевич уже женщины, лет по двадцать пять. Именно Фомина мне всех и представила, держа руку у виска. К слову, она предварительно попросила у меня документы и, получив справку, выданную мне в штабе армии на имя капитана Ветра, признала её годной. Бумагу, согласно которой я могу строить генералов, я не предъявлял – не тот размах.

Приняв её доклад, я скомандовал «вольно».

– Так, у меня две гражданские жены и трое детей. Ну, третий скоро должен быть.

– Товарищ капитан, зачем вы нам это говорите? – спросила сержант.

– Это не вам, это я себе напоминаю.

Сержант, сообразив, о чём я, от возмущения открыла рот, а вот от девчат донеслось весёлое фырканье. Я отметил, что это были фельдшер и Милошевич. Ясно.

– Товарищ капитан, мы с вами?

– О нет, я диверсант, а вы этому не обучены, провалите меня, подведя под гибель, да и сами сгинете. Останетесь тут, на хуторе. Вот что, раз у вас тут медик есть, то я решил развернуть на территории хутора медсанчасть, буду сюда раненых направлять. Врач будет лечить, а вам, сержант, задача оборонять хутор. Подготовите список необходимого.

– Медикаментов нет, – негромко сказала военфельдшер.

– Из оружия три карабина и винтовка на всех, патронов мало, по пять штук на оружие. Наган товарища старшего военфельдшера я не считаю, к нему патронов нет, – сообщила Фомина.

– Недавно прошла процедура смены наименования воинских званий. Больше нет старших военфельдшеров, и теперь товарищ Богданова – старший лейтенант медицинской службы, – рассеяно сообщил я, раздумывая. – Вот что, советского оружия у меня нет, только трофейное. Выдам вам немецкий пистолет-пулемёт МП-40 и ручной пулемёт МГ-34, он на сошках. К вашему оружию – цинк патронов. Ну и ящик немецких гранат, их там двадцать штук. Патронов к пулемёту не так уж много, но вам хватит. Если сунутся какие-нибудь окруженцы, когда наши до этих краёв дойдут, дадите понять немцам, что тут занято. Сейчас выделите мне трёх бойцов, чтобы перенести вещи, я прогуляюсь до своего лагеря. Но сначала с хозяевами хутора пообщаюсь, узнаю, есть ли у них в чём нужда или нет.

– Есть, – козыгнула радостная Фомина.

Ещё бы ей не радоваться, прилетел добрый волшебник и подарков надарил. Правда, я явно расстроил её тем, что отказался брать их с собой, но, получив приказ организовать оборону хутора, она согласно кивнула. Потом я познакомился со всеми другими девушками. Я был бы не против ещё ближе познакомиться, но Фомина тут как цербер всех охраняла.

Пообещав Богдановой медикаменты, в основном перевязочные, да и те немецкие, я пообщался с дедом, хозяином хутора. Тот тоже изложил мне свои нужды. Девчата, конечно, сильно истощили их запасы продуктов, но охота спасала, вот туда патроны и ушли. Пообещав восполнить потраченные запасы, я забрал трёх бойцов, Фомина пошла с нами за старшую, и мы двинули в лес.

Вообще, интересные мне персонажи встретились, но тащить их на войну очень не хочется, пусть лучше тут дождутся наших. Идея организовать тут место лечения и отдыха мне показалась здоровой. А девчата молодцы: сохранили форму, документы и оружие. Пусть и не все, некоторые, убегая, забыли оружие в телегах, но всё равно девчонки боевые.

Мы отошли от опушки метров на двести, когда я их остановил и велел:

– Ожидайте тут. Как окликну, подойдёте.

Отбежав, я стал доставать необходимое. Первым делом – медикаменты: санитарную сумку, найденную в кабине у эсэсовцев, у офицера лежала, и перевязочные, собранные с немецких солдат, в основном с захваченной колонны. Потом простреленный ящик с тушёнкой, два ранца с немецкими припасами, все пять буханок, что у меня были, пулемёт и МП-40 с боеприпасом. Два ранца немецких, я даже не смотрел, что внутри. Цинк патронов к винтовке Мосина. Ящик гранат, уже немецких. Канистру с бензином – дед Михай просил; керосина у меня нет, так хоть это.

Из своих вещей сидор да аккордеон. Подумав, достал немецкий карабин с ремнями и подсумками с патронами. На ремне – штык-нож, фляжка, коробка для противогаза. В общем, что было, то и осталось. Это деду Михая, тут сотня патронов, пусть сам охотится. А для Фоминой достал кобуру с вальтером, он ей по руке будет, заслужила такой подарок.

После этого я подозвал девчат и, когда они подбежали, велел разбирать груз. Фомина начала заинтересовано осматриваться: даже на первый взгляд было видно, что один я всё это принести не мог.

– Не осматривайся, один я. Переносил вперевалку. Знаешь, что это такое?

– Нет, товарищ капитан.

– Сначала одно отнесу, потом другое. Так ходками и переносил. Не волнуйся, не наследил. Немцы меня ой как ищут, нагнали специальные команды егерей, но они далеко.

– А что вы сделали?

– Угнал у немцев танк и, выехав на берег озера, где полсотни офицеров при охране отдыхали, расстрелял их. Бойня была, мало кто смог сбежать в лес. После этого народу изрядно нагнали, самолёты в небе гудят. Я потому и приказал хуторянам не дымить печками, чтобы их не обнаружили. Раньше они никому не интересны были, а тут могут заинтересоваться.

Теперь смотри, этот пистолет тебе, потом на ремень подвесишь. Вальтер называется, чуть позже покажу, как им пользоваться. Эти наручные часы тоже тебе, трофей с немецкого офицера. Кому автомат, сама решишь, и вот пулемёт. Ты у нас, судя по значку, хороший стрелок, разберёшься с ним, я помогу. Немецкий карабин деду. Кстати, у немцев пунктик: если обнаружат нашего бойца, вооружённого их оружием, всегда убивают его, бзик у них такой. Да и наши, если обнаружат у немца наше оружие, тоже пристрелят, в плен не берут. Так что если увидишь какого бойца с немецким оружием, прояви уважение, это значит, он отчаянный парень, сдаваться в плен не собирается. А война – такая штука, всякое может быть.

– Ясно.

Я закинул ящик с тушёнкой на правое плечо, сидор уже висел за спиной, а аккордеон – на левом, девочки на него с интересом поглядывали. Они тоже загрузились, и мы направились обратно. Припасы отдали хозяйке хутора. Дед ящик вскрывать начал, желая глянуть, что две пули натворили. Хлеб прибрали, ему очень обрадовались: мука уже давно закончилась, картошку перетирали на муку и пекли. Богданова приняла санитарную сумку, изучила, что внутри – мало, но хоть это.

Потом дед карабин стал изучать, сам он в империалистическую не воевал, но в Русско-японской поучаствовать удалось, и награду имеет. Я ему рассказал то же самое, что и Фоминой: что оружие лучше прятать, если немцы придут. Показал ему фотоальбом того офицера СС. На фотографиях офицер позировал во время казней и пыток красноармейцев. Дед побледнел, но сердце, к счастью, не прихватило.

Фомина заглянула в фотоальбом и чуть в обморок не хлопнулась. Другим девочкам тоже дал взглянуть, чтобы понимали, что за зверьё против нас воюет. Нельзя к ним в плен попадать, лучше последний патрон для себя оставить или гранату, чтобы их с собой прихватить. Так и сказал. Девчата погрустнели. Но ничего, пока обучал их использованию нового для них оружия, отошли.

Потом я, сидя на завалинке, осваивал аккордеон, это была незнакомая мне модель. Весь хутор собрался вокруг меня, слушали и аплодировали. Ну а я до самой темноты играл разные песни. В основном домашние, мирные, про войну не пел. Пел песни Евгения Осина: «Две девушки», «Плачет девушка в автомате», «Дождь и я», «Студентка-практикантка». Пел песни «Самоцветов»: «Мой адрес – Советский Союз», «Увезу тебя я в тундру», «Чужая свадьба», «Ты моя единственная», «Школьный бал». Вот так этот день и закончился.

Утром я позавтракал яичницей (всё как я люблю) и, оставив хутор, побежал в сторону Новгорода. Причём бежал, путая следы, чтобы по ним не вышли на хутор, мне этого не нужно. И хуторянам к дороге ходить запретил, тут до неё километров пятнадцать по прямой будет. Хорошо, хутор болотами окружён, немцам тут нечего было делать, да и партизан хуторяне не видели.

Я едва на километр успел отбежать, как обнаружил купол парашюта на ели и следы крови: кто-то тут полз. Пробежался по следам и обнаружил лётчика, раненого, но живого, только без сознания. То, что это наш, опознал по парашюту, сам недавно под таким куполом спускался. Это был не разведчик или диверсант, а лётчик, по кубарям – лейтенант.

Осмотрев его раны, увидел, что он перевязался исподней рубахой, были ранены рука и нога. Определил, что он тут уже сутки. Приподняв ему голову, смог напоить его из фляжки. Глотал он жадно, но не очнулся. Задерживаться я не стал, стянул купол парашюта и, на ходу убирая его в парашютную сумку, рванул к хутору. Парашют деду в подарок: мол, дарю за девочек, что выходил их, раненых, и помог перезимовать. Ну, и сообщил, что обнаружил нашего лётчика, раненого, без сознания.

Подорвались все, даже дед. Я привёл их к раненому. Дед тут же слуги начал рубить для волокуши (телега тут не пройдёт), коня привести обещал. Богданова тем временем прямо на

месте чистила раны и заново их перевязывала. Говорит, должна выходить. Воспаление небольшое есть и кровопотеря, но раны она почистила, теперь уход нужен и обильное питьё. Ну да это уже их дела. Первый пациент у них появился, теперь есть кого охранять и лечить. Я сам не ожидал, что так будет.

А я дальше побежал, продолжая путать следы, и так уходил всё дальше. Думаете, это всё? Как же. Когда болото осталось позади, я наткнулся на наших – разведгруппу нашей армии. Я как раз присел пообедать на поваленный ствол дерева – нашёл, наконец, сухой, а то до этого всё сырые попадались. Расстелил платок на коленях и стал наяривать ложкой похлёбку из котелка; у меня их два было приготовлено, этот последний. Надо ещё приготовить, надо. Ел я вприкуску с галетами, потому что весь хлеб, который у меня был, я отдал.

И тут заметил, что лес шуметь стал по-другому. Прислушался, доедая свой обед, и понял: люди идут. Определил по шуму птиц, куда, залёг по курсу и стал ожидать. Раньше не замечал в себе таких охотничьих способностей, а тут гляди ты. Вскоре среди деревьев замелькали фигуры в таких же камуфляжных костюмах, как у меня. Сначала пара в дозоре, потом остальные, почти два десятка, среди них трое раненых. Двое, с забинтованными руками и плечами, шли сами, третьего несли.

Свистнув, я переждал, когда они залягут, и крикнул:

– Вологда!

После небольшого промедления прозвучал правильный отзыв:

– Киев!

Встав, я направился к группе, и мне навстречу вышел её старший. Не сразу, но я его опознал, нас познакомили в штабе армии. Старший лейтенант, фамилия запоминающаяся – Баталов.

А вот Баталов меня сразу опознал:

– Доброго дня, товарищ подполковник. Какими судьбами тут?

– Генерал Петровский с чего-то вдруг решил, что я смогу повторить тут свои действия на Украине и при освобождении Минска, дал напутственного пинка, и вот бегаю. Две недели скоро будет, как меня в тыл забросили.

– Не слышал. Видимо, засекретили. А мы тут уже неделю. Немцы как с цепи сорвались, задание выполнить не получилось, едва удалось сбросить преследователей с хвоста. Перешли к выполнению задания по уничтожению резервной цели. Центр дал добро.

– Ну, тут я, наверное, виноват, разворошил муравейник.

Бойцы уже устраивались кто где, пользуясь краткими минутами отдыха. Мы с Баталовым присели на траву и продолжали общаться.

– Что с ранеными? – уточнил я. – Связывают вас?

– Да, хотим устроить скрытый лагерь и оставить их пока. Дождутся нас, немцев мы вроде сбросили.

– Тут я могу помочь. Смотри по моей карте. Вот тут хутор скрыт, там дед Михай с семьёй проживает. Осенью прошлого года он приютил окруженцев. Обозники, попали под удар танков. Девчата. С ними врач, старший военфельдшер. Я там организовал санитарный пункт, уже есть один раненый, сегодня утром лётчика подобрали. Лейтенант, по документам штурман из бомбардировочного полка. Зная, что искать, хутор найти не проблема. Отправь туда раненых, только смотри, чтобы никого на него не навели. Я сам следы путал, вот и своим то же самое скажи.

– Спасибо, товарищ подполковник, вовремя вы.

– Тут я капитан Ветер, такова легенда.

– Понял, – серьёзно кивнул старлей.

– Рация и радист у тебя, смотрю, есть?

– Это да.

– Тогда отбежишь подальше, отправишь шифровку в штаб армии, за моим кодовым именем. Я тут хоть и немного успел поработать, но кое-какие дела за мной числятся, нужно сообщить в штаб.

– Сделаем.

– Я сейчас накидаю сообщение, радист зашифрует. Значит, смотри. Вот тут на дороге меня с самолёта сбрили прямо на колонну СС. Семнадцать гавриков, шесть единиц техники. Немцев побил, технику захватил. Потом неделю убил на то, чтобы разогнать их в разные стороны и спрятать. Там три единицы бронемашин.

Когда закончил, начал работать. Среди трофеев тяжёлый миномёт был, наш, полковой. Используя его, нанёс удар вот по этим двум мостам; автомобильный уничтожен, горел, железнодорожный сильно повреждён. Он и до меня был повреждён, там ремонтная бригада работала, но я и мост побил, и её. Паровозу ремонтного поезда тоже досталось, случайно, я миномётчик ещё тот.

Дальше рванул в эти края. Хотел пост взять, но регулировщиков уж больно стерегут. Ночью не смог, а следующим днём вот тут, на озере, обнаружил полсотни отдыхающих офицеров, среди них шесть полковников, плюс ещё полсотни охраны. А у меня как раз рядом схрон с танкеткой был. Я к нему сбегал, танкетку пригнал и расстрелял немцев, мало кто в лес ушёл. Вот список по потерям у немцев: взял пленного, он и выдал. Из техники у озера побил броневик, зенитку в кузове грузовика, радииную машину, пять грузовиков и полтора десятка легковых авто. Шесть мотоциклов в качестве вишенки на торте.

Когда от озера выезжал, столкнулся на трассе с авто колонной, девять грузовиков под охраной бронетранспортера. Уничтожил, мало кто выжил. Старлей, у них не было санитарных обозначений, и я не знал, что раненых везут, потом уже пленный сообщил. А ты сам знаешь: если немцы наших раненых побьют, то наши бьют немецких в отместку, и наоборот. Не хочется начинателем ответных действий быть.

– Да чёрт с ними, – пожал плечами старлей. – Наших они всё равно убивают, и никакая Женевская конвенция их не пугает.

– Это всё, что успел.

– Теперь я понимаю командарма. Один – и столько дел. У нас всего одна уничтоженная колонна в три грузовика и обстрел маршевой пехотной колонны, и всё. Задание не выполнено.

– Что за задание?

– Сами знаете, секретность навели. В общем, захватить пеленгатор.

– Не встречал. Если где увижу, дам знать. На хутор я вернусь дней через пять, край – восемь.

– Добро.

– Да, забыл сказать. – Я снова расстелил карту и показал на метку. – Здесь в лесу свежее минное поле полосой, между этим болотом и этим озером. «Лягухи».

– Ясно, – помечая на своей карте, кивнул Баталов. – Можно будет снять и использовать. Мы так уже делали, неплохие мины.

На этом мы расстались. Группа, собравшись, двинулась дальше, с ранеными они чуть позже расстанутся, а я отправился по своим делам. Так получилось, что шёл, по сути, по их следам, ну и засёк движение – егеря немецкие шли. Не сбросил старлей их с хвоста, тишком они шли за ним. Я их чудом первый обнаружил, осторожно залёг и отполз в сторону. Потом отбежал, вернувшись по следам группы Баталова, и поставил на растяжку пять мин, отлично их замаскировав. Зацепят одну – подорвутся все пять.

Ну, и стал ждать. Немцев было два отделения, шли очень грамотно, с боковыми дозорами. Я сидел на дереве, укрывшись в листве, и меня не заметили. Дозор прошёл минуя ловушку, а основная масса и напоролась. Первый егерь мимо проскочил, второй с МГ – тоже, а третий инициировал. Раздались хлопки и подрывы, смерч стальных шариков разлетелся во все

стороны. Сам видел, как лопнула голова офицера. М-да, я такого и не ожидал. Немцам сейчас точно будет не до преследования.

Двое успели упасть, когда сработали подрывные заряды, вытолкнувшие мины вверх, но, по сути, только дозоры и уцелели. Немцы шли двумя колоннами, и мины между ними взорвались, так что всем досталось. Лучше и не придумаешь. Егеря сначала запрятались, но потом, убедившись, что рядом никого, стрельбы нет и тишина, начали собираться рядом с ранеными, помогать перевязывать. Ещё один осматривался вокруг на предмет подобных минных ловушек.

А я тем временем задумчиво на них поглядывал. Уцелели семь егерей, что были на ногах, и я решил брать их, уж больно трофеи шикарные. Я не говорю про неплохой лесной камуфляж, который мне самому пригодится, тут главное – оружие. СС всегда снабжают новинками, вот и тут были четыре МГ-42, который только в апреле был принят на вооружение, и ещё шесть единиц оружия, в которых я опознал штурмовые винтовки, что странно: они вообще-то в конце сорок третьего должны появиться. Те самые, МП-44. Скорее всего, ранние прототипы на испытаниях.

Ну и разное другое оружие было: привычные карабины и пистолеты-пулемёты, две снайперские винтовки, одна СВТ и одна Маузера. Другое имущество, включая непривычного вида ранцы, всё высокого качества. Ботинки егерские на шнуровке я бы тоже прибрал. Много, конечно, побито осколками и запачкано кровью, но себе-то подберу что-нибудь интересное. После войны буду в камуфляже на охоту или на рыбалку ходить. Да, пригодится.

Двое немцев стояли на охране, поглядывая во все стороны, но я ударил на расплав ствола из своего ППШ по плотной группе, полдиска выпустил и, прыгнув с дерева вниз, рванул в сторону. Четверых точно срезал, остальные шустрые оказались: откатились и разбежались, открывая ответный огонь. Трое преследовали. Я откатился за ствол, и в него впиалась пуля, отчего я громко застонал и, оставив ППШ, отполз в сторону. К дереву с трёх сторон, держа мою позицию на прицеле, подходили трое.

Я возник за спиной одного из них. Три выстрела из ТТ с молниеносным переносом с цели на цель (с ППШ я бы так не смог) – и поражены все трое. Добив подранка, я подхватил свой автомат и продолжил охоту. Добил подранков у минной ловушки (похоже, никто не ушёл) и пробежался вокруг, собирая оружие, амуницию, элементы формы, обувь, ранцы – да всё, что не попорчено. Всё убирал в хранилище, потом переберу и постираю.

Час на всё про всё ушло, и я уже бегу дальше. Ближе к вечеру я вышел к дороге выше того поста, где хотел взять регулировщиков. Присмотрев спешившую мимо попутную колонну, я достал грузовик и, как только они проехали, вывернул с боковой дороги, которая вела на лесопилку, после чего, нагнав колонну, пристроился замыкающим.

Двадцать километров так с ними проехал, впереди уже показались окраины Новгорода. Колонна в город не поехала, свернула к складам. Ну и мне туда. Вместе с ними я въехал через ворота на территорию складов у железнодорожной станции. Вот это фарт. А хранилище такое маленькое. Придётся ответственно подойти к выбору трофеев.

Въехав на территорию складов, колонна пошла дальше, а я свернул на ближайшем перекрёстке и встал у боковой стены одного из пакгаузов. Там и дождался, пока стемнеет. Я был всё в той же немецкой форме рядового вермахта, которую снял с одного из миномётчиков и подогнал под свой размер, благо нитки и иголка нашлись среди трофеев.

Когда стемнело, я заправил машину, а то всего полбака осталось. Этот «Опель» хоть и имел привод на все колёса, но был прожорлив. Заправив машину, я убрал её в хранилище. Стоит поискать какой-нибудь другой автомобиль, а этот полноприводный побережёт. После войны такое авто ой как пригодится. А ещё мне необходимо продовольствие. Зная, что после войны будут голодные годы, желательно сделать запас. Да и с дедом Михаем стоит поделиться, раз он девчат и раненых содержит. То, что я дал им – это мизер.

Я дождался, когда окончательно стемнеет. На территории складов царил светомаскировка, я видел следы бомбёжек. С наступлением темноты тихо двинул дальше. Жаль, языка не взял, знающего, где и что хранится, пришлось наугад изучать содержимое складов. Оказалось, проникнуть внутрь, несмотря на часовых и патрули, которые ходили по складским улицам, для меня не проблема. Нет, я сквозь стены ходить не умею, и ключей к замкам на воротах у меня нет. Всё куда проще. Я убирал в хранилище часть стены в виде овала, а потом, проникая внутрь склада, доставал обратно.

Начал с того склада, где припарковал, а потом убрал в хранилище машину. Проник внутрь, осветил фонариком штабеля и тут же опознал содержимое. Нет, это не продовольствие – мины. Тут были мины для миномётов. Вот это странно, обычно такой груз выгружают с вагонов и отвозят подальше, на территории артиллерийских складов. Походив вокруг штабелей, нашёл и для 120-миллиметровых. Прибрал двести мин, причём без укупок, сами мины. Потратил время, но снарядил все. Всё равно потрачу скоро, если не в эту ночь, то в ближайшее время точно.

Следующим был склад амуниции, потом – формы, инженерного имущества, патронный. Вот в последнем я задержался. Взял четыре ящика патронов для пулемётов, один с трассирующими пулями, машинки у меня прожорливые. Забрал три ящика с патронами для МП, долго искал патроны для штурмовых винтовок, с трудом нашёл всего пять ящиков. Мало завезли, да и эти в уголке были скрыты.

Следующим был склад с медикаментами. На тонну набрал, прежде всего перевязочные и антисептики, потом разные лекарства. Пять сумок санитарных подобрал, набив их до полного хирургическими инструментами, шовным материалом, шприцами, перевязочными, то есть всем необходимым для полевой операции и перевязки.

Ну и наконец он – продовольственный. Там часовой маячил, я его снял. Брал в основном консервы, их тут было неожиданно много, французские, итальянские, даже из Штатов. Кроме консервов взял двадцать мешков пшеничной муки и пять мешков ржаной, двадцать мешков с рисом, пятнадцать с гречкой, пятнадцать с горохом, пятнадцать с сечкой, десять с бобами, пять с фасолью и десять с пшеном.

Из овощей взял сорок мешков с картошкой, причём она была свежая, недавно выкопана, помыта и расфасована в бумажные мешки по двадцать кило. Судя по надписям, из Италии. Ну, это может быть. Я потому и стал искать мешки из Италии, что там свежий урожай. Кроме того, прибрал десять мешков с морковью, пятнадцать с луком, двадцать с капустой, пять с баклажанами, один со свёклой: я её как-то не особо люблю, для борща разве что.

Видимо, овощи недавно завезли, сутки назад. Вообще, этот склад – не самое удачное место для хранения, нужно подземное овощехранилище. Я одно такое приметил в стороне и хотел его навестить, потому и оставил пару тонн свободного места.

Ладно, продолжу. На этом же складе я взял шесть десятилитровых канистр с подсолнечным маслом и пять с оливковым. Ещё шесть мешков с солью и десять с сахаром кубиками. Восемь коробок с чёрным чаем и три мешка с кофейными зёрнами. Нашёл коробки с банками какао, взял десять коробок. Увидел итальянские спагетти и макароны и забрал всё, что было, сорок две коробки с макаронами и пятнадцать со спагетти (это, видимо, для офицеров), они лёгкие. Были банки с эрзац-кофе, не хотел брать, но шесть банок взял, угошу кого-нибудь.

Остальное были консервы: сладкие, с фруктами, с кашами. У немцев были даже консервы в саморазогревающихся банках, я взял немало коробок. Была консервированная томатная паста от итальянцев, шесть коробок забрал на соусы и подливы. Вот так двести тонн с продовольственного склада и вымел. Сам в шоке.

Глава 4. Неожиданный поворот

Покинув склад, я пробежался до того хранилища, что было под землей. Снял часового и, вскрыв дверь, спустился. Это оказался ледник, тут хранились разные колбасы, ветчина, сосиски. Набрал две тонны: одних сосисок тонна, а ещё окорока, колбасы, три крупных куса сливочного масла, бидон свежей сметаны. В общем, всё, хранилище моё полное. Можно уходить.

Но не выдержала душа поэта. Поднявшись наверх, я достал французский полноприводный грузовик и, освободив таким образом место, снова спустился и забрал всё оставшееся на леднике. Стоит отметить, что здесь же я нашёл две коробки с пенициллином (видимо, ему холод нужен), забрал и его. В хранилище осталось полтонны свободного места.

Покинув ледник, рванул к складу с минами. У егерей я взял тротилловые пашки с бикфордовыми шнурами, и вот сейчас снарядил несколько мин, поставил пашки и поджёг, после чего рванул прочь. Добежал до ворот, а там как раз смена часовых была. Когда произошёл взрыв, нас чуть не сдуло, хорошо, я под стеной спрятался. На территории складов начались множественные пожары.

Пользуясь возникшей суматохой, я, пока по городу звучала тревога, покинул территорию складов, помогая одному контуженному, после чего сунул нож ему в бок и побегал прочь. Из-за пожаров на складах было светло почти как днём. Я смог уйти в город и по огородам, по окраине перебрался на другую сторону Новгорода, где располагался немецкий аэродром. У наших до войны здесь находилась гражданская авиация, а у немцев сейчас – транспортная.

Сейчас мне для работы по аэродрому и станции надо бы миномёт использовать, чтобы освободить хранилище от мин, а потом увести у немцев какой-нибудь легковой автомобиль взамен грузовика, павшего смертью героя на территории складов. Часть припасов из хранилища уйдёт на хутор, и тогда освободится место для личных запасов. Ну, там, тёплая одежда и остальное, для зимы много что нужно.

Поднявшись на плоскую крышу немецкого госпиталя, я сначала осмотрел позицию и подготовился. В бинокль изучил аэродром, а затем, повернувшись к нему спиной, и железнодорожную станцию, которую отлично освещали пожары на складах. После этого достал миномёт и стал готовить мины. Те, что были в ящиках, оттирал от консервационной смазки, а потом уже снаряжал запалами. Подготовил сто мин: сорок в ящиках и остальные со склада. На мой взгляд, хватит.

Ну и не мешкая открыл огонь, а то рассветёт скоро. Начал со станции. Поначалу корректировал огонь, а потом просто пихал мину за миной: пять мин пушу, поверну штурвальчик, ещё пять мин, снова поверну и ещё три выпущу. Так я накрыл всю область станции, там раздавались многочисленные взрывы и всюду полыхали пожары. Судя по тому, как ярко горел эшелон, он был топливным.

Закончив со станцией, я развернул трубу и открыл огонь по аэродрому – по быстровозводимым ангарам и стоянке самолётов. Три мины, корректировка, и снова пуск. Как меня крыша выдержала, не знаю, тряслась, качалась, трещины появились, но не обвалилась.

Услышав, как сработала растяжка у выхода на крышу, я понял, что немцы уже тут. Выпустив последние три мины из подготовленной сотни (все ушли), я убрал миномёт, кинул в квадратный проём люка две ручные гранаты и подбежал к краю крыши. Накинул блок на кабель, тянувшийся к соседнему, ниже по высоте зданию, и на скорости заскользил вниз. Раздались крики, выстрелы, но я уже был на крыше соседнего здания, оттуда спрыгнул на козырёк крыльца, а потом и на землю.

Я достал Т-40 и, забравшись под броню, сразу срезал почти взвод немцев, толпой выбежавших из-за угла. Бил из ДШК, подчищал из ДТ. Не больше пяти немцев смогли уйти обратно

за угол. Запустив движок, я рванул прочь, под постоянный звон брони – по мне вели огонь из стрелкового оружия. Затерявшись в улочках, убрал танк и, влившись в толпу солдат, присоединился к группе поиска. А что? Я ничем не отличался от солдат вермахта. Сначала мне встретились испанцы (тут, оказывается, стояла испанская «Голубая дивизия»), а потом вот эта рота.

Легковые автомобили мне попадались, но всё было не то. А потом я обнаружил новенький «кюбельваген». Вообще, так назывались все армейские машины открытого типа, но это был именно «Фольксваген», задне приводный, новая машина – то что нужно. Место для неё было, даже больше скажу: и для парочки таких хватило бы. Поэтому я забрал эту машину, а найдя чуть позже ещё одну такую же модель, тоже заднеприводную и новую, но с поднятой брезентовой крышей, прихватил и её. Всего три килограмма свободного места осталось.

А теперь пора тикать. Когда начало светать, я голышом, подрабатывая руками, плыл по Волхову вверх по течению, к озеру Ильмень, а когда берега опустели, выбрался на сушу и скрылся в лесу. Нужно найти норку и выспаться, всё же вторые сутки на ногах. И сделать, наконец, запас готовой пищи, а то последнее подьел.

* * *

Я после баньки в одном исподнем сидел за столом под навесом и чистил немецкую штурмовую винтовку, когда Фомина сообщила, что появились гости. Трое суток прошло, как я вернулся из Новгорода. Передал хозяевам хутора небольшие запасы, на месяц, порадовав их, особенно чаем. Врачу отдал медикаменты, та была счастлива, особенно двум упаковкам пенициллина и шприцам.

Девчата за эти дни привели в порядок всю немецкую форму: зашили дырки, постирали и даже погладили, после чего я вернул её в хранилище. Сам занимался оружием, остальные трофеи тоже перебрал. Что не нужно, хуторянам отдал, те пристроят к делу. Мячик отдал детворе, и они увлечённо носились с ним по двору.

А я пока обживался тут и готовился к следующему рейду. Была у меня одна идея... Жаль только, что немцы лагеря военнопленных на наших бывших территориях не держат, сразу в Польшу везут или к себе.

И тут Фомина сообщает о гостях, да ещё в камуфляжных костюмах, как у меня. И это не Баталов: его группа вчера на хутор пришла и тут отдыхала, часть как раз были сейчас в баньке. Что-то мне не понравилось, чуечка возопила. А потому, пользуясь отсутствием свидетелей (все гостей побежали встречать), я быстро прибрал оружие и вообще все вещи, что были на столе.

Гости оказались знакомые, из разведотдела армии Петровского, которые передали мне приказ немедленно прибыть в штаб армии. В сопровождении двоих, не отходивших от меня ни на шаг, меня препроводили на большую поляну в лесу, куда следующей ночью сел самолёт, доставивший нас с ранеными на Большую землю, под Калинин, который ещё не взяли, прямо в штаб фронта, минуя штаб нашей армии.

И меня сразу отправили в особый отдел, колоть на то, что проданся врагам. Даже непонятно, откуда такой поклёп, не объясняют же ничего. Всё выяснилось, когда на третий день меня, обработанного так, что живого места не осталось, но в сознании, направили в штаб Юго-Западного фронта.

Аукнулись мне мои приключения под Винницей. Там ситуация не стабилизировалась, я бы сказал, до сих пор оставалась кошмарной, немногие из кольца прорвались. Но пленные были, и вот один офицер, капитан абвера, подтвердил, что я его завербованный агент. Более того, заявил, что это благодаря мне киевская армейская группировка потерпела поражение и сейчас переваривается в огромном котле. О как. Интересно судьба повернулась. Я ни в чём не признавался и громко возмущался: мол, своему командиру они не верят, а врагу – вполне.

К счастью, командиры всё же были вменяемые. Показания немца не совпадали с теми данными, что были у них на руках, а потому уже его начали серьёзно колотить. Но немец стоял на своём. И выверт судьбы меня поразил. Немца шлёпнули, меня поначалу тоже хотели (два фиктивных расстрела не в счёт), хотя если бы приговорили, я бы сбежал. А так – суд и двадцать лет лагерей как немецкому агенту.

И вскоре по этапу я был отправлен под Нижний Новгород, сейчас он Горький. Кстати, по суду меня лишили звания и всех наград и даже из армии выгнали с позором. Ну, награды хорошо спрятаны, а на звания мне начхать. Если бы не война, я из армии давно бы свалил: мне немцев бить нравится, а служить – нет. Так что, как ни посмотри, со всех сторон плюсы.

Вот только в лагерь меня доставили странный. Шарашка оказалась на территории горьковского завода. Тут собирали Су-76, и меня включили в бригаду осуждённых, которые собирали и устанавливали движки в бронекорпус. Для этой работы подбирались технически грамотные осуждённые, большая часть, как и я, командиры, но были среди нас инженеры, техники и другие спецы. А знаете, что самое смешное? Через месяц, в начале августа, меня освободили, выдав бумагу об этом.

Блин, ну как так-то?! Я уже за пахана был, смотрителем барака. И день сегодня так хорошо начинался! Только наступило утро четвёртого августа, я сидел в бараке с приближёнными, пил чай с бутербродами, и тут это. Охрана на скудном питании, другие рабочие завода – тоже, а мы бутерброды с колбасой и маслом наворачиваем. Это мои люди, а я не жмот. Тут сразу видно кто есть кто. Если нормальный мужик, то я не отталкивал, а мерзота всякая (и таких хватало) даже и не приближалась: знала, что изувечу. Они, конечно, стучали, что мы хорошо живём, и обыски у нас были частыми.

А хорошо было. Я с егерей взял походную жаровню, там сухое топливо, можно воду кипятить, супчик сварить, а мы вот чай гоняли. Утварь тоже была – чайник и котелок. Я в бараке ничего я не держал, доставал из хранилища по мере надобности, а после использования убирал. Откуда всё бралось, никто не знал. Думали, у меня свой человек в охране, он и снабжает – такова была основная версия.

Работали мы хорошо, даже перевыполняли план, и нам его подняли. И тут меня выпихнули. Утром под конвоем доставили к начальнику охраны, который сообщил мне, что был пересмотр дела, меня оправдали, я свободен. Пшёл вон.

Уходить я категорически не хотел, бойцы напрасно старались оторвать меня от ворот. М-да, нехорошо как-то.

Начальник нашей закрытой зоны, в которой было всего сто шесть заключённых, скомандовал конвоиру:

– Прикладом ему по пальцам.

Бойцы тут же расступились, и один курносый из охраны замахнулся винтовкой. Пришлось отпустить ворота и сделать пару шагов назад. Ворота тут же захлопнулись, сверху мне скинули старый вещмешок с моими вещами, сюда же спланировали две бумаги.

– Чтоб вас испанцы залюбили! – крикнул я охране.

Это было тяжёлое оскорбление, и они это знали, защёлкали затворами. Зло сплюнув, я подобрал вещмешок, закинул его за спину и поднял обе бумаги. Одна была об освобождении (даже без фотографии), другая – приказ из кадрового отдела Красной армии явиться не позже восьмого августа. Изучив приказ, я смял его и выкинул: я гражданский, о да, и приказывать они мне не могут. Вторую бумагу, об освобождении, я убрал в карман и направился прочь.

– Бард! – окликнул меня капитан НКВД, начальник охраны нашей шарашки. – Почему вторую бумагу выбросил?

– Там приказ явиться в кадровый отдел армии. А я гражданский, меня по суду выгнали из армии с позором, а значит, приказывать мне они не могут. Так что пшли они.

– Ты что, не патриот?

– Блин, я весь такой патриотичный в вашей шарашке работал, из всех щелей патриотизм прёт. Я гражданский, и точка!

Развернувшись, я энергичным шагом пошёл прочь. Эту страницу своей жизни я перевернул. Жаль, афера с дынями не вышла. Я связался со смотрящими других ближайших зон и договорился, что они через своих людей на воле направляют нашей шарашке один из трёх вагонов с дынями первого урожая из Узбекистана. Теперь-то уж что.

Я хотел было пойти на станцию, но потом свернул на рынок. Денег советских у меня немного, но есть что продать. Хотел купить свежих куриных яиц, хлеба (наверняка кто-нибудь печёт), пирогов. Потом буду думать, что делать дальше. В Москву не поеду. То, что я сижу, девчата знали, письмо я им отправил, да и от них два успел получить. У них там всё в порядке. Ларе рожать или в конце этого месяца, или в начале сентября, время пока есть. Дом она себе нашла и купила, уже месяц как обживает.

А не отправиться ли мне на Чёрное море? Покупаюсь, отогреюсь после сибирских морозов на зоне. Там можно закупить фруктов разных, дынь. Нормальный план.

И тут я заметил у военкомата небольшую группу призывников и услышал, как один из них рассказывает историю создания испанской дивизии добровольцев, воюющей под Ленинградом. Честно признаюсь, это я пустил информационную утку. Она быстро разошлась по заводу, городу и начала расходиться по стране. Не знаю, как на фронтах, времени всё же мало прошло, чтобы она так широко распространилась. Но вот с этими призывниками, видимо, и до фронта дойдёт.

Тут всё просто. Я рассказал, кого европейцы метят словом «голубой», и объяснил, что в «Голубую дивизию» испанцы набирали только добровольцев с нетрадиционной ориентацией. Поэтому, мол, в плен им лучше не попадаться: девушек они сразу убивают, а парней... Лучше гранатой подорвать себя вместе с ними. А местные же как дети, для них это культурный шок, но всё же осознали, и информация пошла в массы. Так что ругань вроде «чтоб тебя испанцы залюбили» берёт корни отсюда. Испанская дивизия получила и другое название – «Петушиная». Это, видимо, уже влияние сидельцев.

Было утро, рынок уже работал. Тут отдельно вещевые ряды и отдельно – с деревенской продукцией. Я продал две камуфлированные куртки, которые были мне не по размеру, одни брюки, ремень и две пары отличных егерских ботинок, тоже не моего размера. Ушли влёт. Выручив деньги, пошёл по рядам, купил у разных торговцев восемь краев хлеба, три кило солёного сала и вязанку свежего чеснока. Я в бараке очень жалел, что чеснока у немцев не нашёл, чесночная колбаса не то. Потом купил яиц лукошко. Думаете, ещё что-то? А всё, растрагился, тут продукты дорогие.

Пришлось продать ещё несколько пар обуви, несколько комплектов пятнистой формы плюс три пары наручных часов. На вырученные деньги я купил пирогов: два сладких (один с яблоками, другой с грушей), два с капустой и один с рыбной начинкой. Ещё купил три кило копчёного сала, докупил лукошко свежих куриных яиц, и снова всё.

Подумав, продал одному продавцу немецкий карабин с ремнём и патронами и приобрёл на эти деньги нательное бельё и походный костюм, а то на мне старая гимнастёрка и штаны гражданские не по размеру, всё на голое тело, а на ногах – драные галоши. Выгляжу подозрительно, вон патруль уже дважды документы проверял. У меня же роба тюремная была с номером, и, чтобы выпустить, собирали что было.

Я переоделся в купленное бельё и одежду, на ноги надел трофейные немецкие сапоги (не те, в которых егеря ходили), портянки тоже взял из своих запасов. Продав с себя всю одежду, закинул вещмешок за спину, справку сунул в нагрудный карман и направился к окраине города. К чёрту станции, на своих двоих двину, а то что-то чуечка засвербела, неприятности предчувствует. Жаль, нет у меня нашей техники, так бы и покатыл, а на немецкой можно передвигаться только в тёмное время суток. То же самое и с одеждой: у меня была только немецкая форма.

Судя по часам (я надел наручные из своих трофеев и установил время по сообщению диктора – громкоговоритель вещал на столбе у рынка), сейчас десять сорок три. Заметив здание телеграфа, я подумал, зашёл и занял очередь, а пока она медленно двигалась, продумывал, что отправить Свете. Ларе она моё сообщение передаст, они дружат.

Вскоре подошла моя очередь, и телеграфистка прочитала:

«Привет с Крайнего Севера. Получил амнистию. Решил после холодного Севера погреть кости на юге. Постараюсь к родам Лары быть, если получится. Ростислав».

– Это всё?

– Да.

Телеграфистка начала считать буквы, после чего сообщила мне сумму. К счастью, денег у меня хватило. Адрес Светы я дал, телеграмма была отправлена.

Покинув здание телеграфа, я направился к выходу из города. И тут мне повезло: с рынка катил дед, у которого я сало покупал, он и подвёз меня до поворота на свою деревню. Пока ехали, общались. Я ведь за это время, прошедшее с моего ареста, многое пропустил. От деда узнал, что наших остановили в шестидесяти километрах от Великого Новгорода, где они встали в оборону: наступательный порыв иссяк, да и коммуникации растянулись.

А я ведь говорил, что наступать на Новгород – это глупость, надо на Псков, чтобы отрезать всю группировку от снабжения, потому что если через Прибалтику возить, так там транспортные магистрали слабые. Только кто же меня послушает? Вон Петровскому отдали приказ, куда наступать, он и взял под козырёк, он ведь тоже подневольный исполнитель. Киев Юго-Западный фронт потерял, сейчас передовая проходит в районе Орла и Брянска. Фронт, по сути, формируют заново.

Кузнецова сняли и направили куда-то на север начальником штаба армии. Это серьёзное понижение, с комфронта-то. И знаете, кто стал командующим новым Юго-Западным фронтом? Генерал-полковник Петровский. Он получил ещё одну звёздочку, когда Калинин блокировал. Там немецкие войска переварили, почти семьдесят тысяч, часть из них сдалась, и город уже две недели как наш. Я считаю, что неправильно снимать командарма наступающей армии, вот так, на ходу, менять командира.

Принял армию начальник штаба, а Петровского кинули формировать фронт второго состава. В принципе, он и остановил немцев на тех позициях, где они сейчас стоят. Немало усилий на это потребовалось. Хотя сейчас я гражданский, и мне до этого уже дела нет, просто старался быть в курсе дел. На момент моего суда Петровский был уже командующим фронтом. Мог вмешаться, но не захотел.

Знаете, я повоевал хорошо, немало немцев на моём счету, долг Родине отдал, никаких обязательств на мне нет. Правда, бить немца всё равно всем сердцем желаю. В партизаны пойду. Они же гражданские, взявшие в руки оружие, вот и я возьму.

Дед укатил, а я прошёл по дороге ещё с километр. Это была не основная трасса, а просёлочная дорога, ведущая к селу. Вскоре я заметил овраг, спустился и стал доставать из хранилища вещи и разбивать лагерь. Шинель на землю, камуфлированную накидку на себя, разделся перед этим до трусов и вскоре уже спал в тени кустарника. Я хотел дожидаться ночи, чтобы дальше двинуться уже на машине.

Думаю, на колёсах доберусь до Воронежа, потом – поездом до Ростова-на-Дону, а дальше – снова на машине. Отдыхать буду в районе Сочи, такое у меня было желание. А потом можно и повоевать месяца два, до первых серьёзных холодов. Бензин можно не жалеть, всё равно у немцев ещё добуду. Ресурс машин потрачу, это да. Хм, может, и не стоит своё авто использовать? Да, лучше ночью и на поезде.

Так я и сделал. Когда начало темнеть, собрался и на «кюбельвагене» рванул в сторону железной дороги. Тут был поворот, на котором поезда снижали скорость, и можно было забраться в них на ходу. Пассажирский уже ушёл, но был эшелон с лесом и углём, вот на него

я и забрался. И не я один, нас человек двадцать таких зайцев было. Ничего, разместились на площадках, со мной рядом две женщины устроились, так и катили.

Эшелон заходил в Москву уже часа в три следующего дня. Я спрыгнул раньше, когда показался пригород: машинист тут притормаживал, так что была возможность. Ну, и двинулся дальше, придерживая вещмешок и надвинув на глаза кепку, чтобы не опознали. Раньше мои фотографии в газетах довольно много тиражировали, мало ли у кого память хорошая, опознает меня.

Насчёт Чёрного моря я не передумал, просто чуть отодвинул сроки. Понимаете, есть у меня кровники, есть. Хочу поквитаться с костоломами из особых отделов штаба Калининского фронта и Юго-Западного. Из одного четверо со мной работали, из другого – трое.

Я не то чтобы желаю их помучить, как-то не моё это, просто дело принципа. Я поклялся убить их, когда мне три зуба выбили и неделю кровью ссал. Я крутился под ударами сапог, так что особо не поломали, инвалидом не сделали, но изукрасили синяками серьёзно. Причём лицо почти целое, только левая щека распухла, где зубы выбили. Теперь я собирался серьёзно отомстить, а иначе сам себя уважать не буду. И ещё один момент: они для меня не свои, своих я бы не тронул.

К обеду я добрался до дома Светы, причём увидел, как почтальон принёс ей телеграмму от меня. Однако подходить к ней я не стал. Убедился, как мог, что слежки за мной нет, и поднялся на чердак, где достал из тайника свои награды и орденские книжки. Все скопом убрал в хранилище: лучше держать их при себе.

Покинув подъезд, я сделал пару финтов, чтобы сбросить возможный хвост: ну, проходные подъезды и всякое такое. Прошёл по чердакам и из двух тайников извлёк золотые изделия: там схроны с Гражданской были. Пригодятся на юге. Вот только закупаться на рынках больше не буду, хватит кормить разных маргиналов, наживающихся на честных людях. Да и у меня самого запасы есть.

На трамвае я доехал до своего дома. Патрули мной особо не интересовались: чисто выбрит, одет справно, одежду отряхнул щёткой, когда в город входил, так что порядок. Нанял мальчонку и отправил его узнать насчёт моей квартиры. Тот выяснил, что в квартире, подаренной мне государством, уже три недели живут чужие люди. Как выяснилось, передарили её герою-лётчику, там теперь его семья живёт. Значит, о вещах, оставленных там, можно забыть.

Расплатившись с мальчишкой за работу, я пошёл дальше снимать сливки со схронов. А вечером с первым же эшелоном отправился в Калинин, где стоял штаб Калининского фронта. С них начну. Самими исполнителями, которые хотели меня в инвалида превратить, выбивая признание, я не особо интересовался, а вот теми, кто отдал приказ, даже очень. Хочу узнать, кто они, так что одними исполнителями дело не ограничится.

Можно будет использовать тихое оружие. Да, у егерей было такое, я его обнаружил только когда до хутора добрался и разбирал трофей. Естественно, в лесу и в одно лицо, поскольку не хотел палить наличие хранилища. В ранцах егерей я нашёл три вальтера с глушителями и ещё длинную трубу глушителя, которая, оказывается, навинчивается на ствол СВТ, той, что с оптикой. Видимо, чтобы часовых тихо снимать. Можно будет поработать.

В Калинин эшелон, на котором я ехал, прибыл ночью. Эшелон был воинским, и я, переодевшись в новенькую, необмятую форму, маскировался под призывника. Пока шло построение, я в неразберихе ушёл в сторону, переоделся в гражданское и быстро затерялся на разбитых улочках города. Его фактически заново придётся отстраивать, после последних боёв мало что уцелело.

Что ж, начнём работать. Нужно выяснить, кто где работает и живёт, а дальше действовать по ситуации.

* * *

Проснулся я от удара по ноге, несильному, так, чтобы разбудить. Открыл глаза и машинально чуть не откатился в сторону, с трудом заставив себя спокойно лежать. Надо мной стоял армейский патруль, по повязкам видно.

Старший, в звании лейтенанта, спросил:

– Гражданин, что вы тут делаете?

– Гражданин начальник, вы что, не видите? Отдыхаю. Последние денёчки бархатного сезона.

– Бархатный сезон уже закрыт, хотя жарит сегодня серьёзно. Документы.

Он, видимо, понял, что я из сидельцев, насторожился, два бойца с винтовками – тоже. Моя одежда лежала рядом, я достал справку и протянул её лейтенанту.

Я уже три недели находился на юге и сейчас отдыхал на пляже рядом с Сочи. За это время я уже всё успел, всё закупил, хранилище было полно витаминов. Теперь вот отдыхал дикарём, а тут эти.

Что по ответке за арест, допросы и суд, то я отработал одиннадцать человек, из них двое имели красные лампасы. Всех нашёл и наказал, больше они никого невинного не арестуют и не осудят. Вообще, должно было быть тринадцать, но двое погибли ранее: один – при бомбёжке, а другого убил карандашом задержанный на допросе. Уважаю. Правда, его потом забили.

В общем, я провёл собственный суд и привёл в исполнение свой приговор этим одиннадцати. Трёх недель мне на это хватило. На самом деле ликвидировал я двенадцать человек: попался мне в прицел Маринин, уже старший майор НКГБ, два ромба имел, ну и дёрнулась рука, пуля снесла полголовы. Не простил я ему, что он ограбил меня, увёл мои трофеи и нагло заявлял, что это не моё. Видимо, он, восстановившись после переломов ног при пожаре в квартире, рыскал по особым отделам фронтов, вот и попался мне на прицел. Уж кого-кого, но эту нелюдь мне не было жаль.

Лейтенант внимательно изучил мою справку и заметил:

– Согласно справке по освобождению, вы свободны с четвёртого августа, а сегодня уже восемнадцатое октября. Почему не получили документы по месту жительства и не встали на учёт?

– Гражданин начальник, я на Севере все кости отморозил. Сразу на юга рванул. Тут на побережье дикарём жил. Иногда покупал еду у местных, но больше рыбачил. Видели бы вы, какую я вчера поймал скумбрию – во, до локтя! На костре жарил. Сказка. А вернуться на место жительства я не могу: некуда возвращаться. Государство квартиру дало, государство квартиру отобрало. Бездомный я.

Тут лейтенант меня опознал и явно растерялся.

– Подождите, Бард?! Тот самый?! Это как же?!

– Как квартиру потерял? Мне дали её как дважды Герою, а когда осудили, лишили звания, из армии выгнали и квартиру отобрали.

– И за что судили?

– Я у немцев серьёзно набедокурил, вот и злы они на меня. Подстроили так, чтобы их офицер разведки попал в плен и на допросе заявил, что я являюсь его завербованным агентом. Сказал ещё, что это я помог советские войска в котёл загнать. Наши не мне, а ему поверили, врагу. Признание из меня выбивали серьёзно, чудом не изувечили. Вон шрамы у меня не от войны, а от допросов. Вот такие дела. А тут в августе под какую-то амнистию попал, ну и рванул на юга.

- Вот чёрт... – Лейтенант сбил фуражку на затылок; судя по околышку, лейтенант был из пограничников. – Гражданин Бард, вам придётся пройти с нами в комендатуру.
- А что, документы не в порядке?
- Знаете, пусть с вами начальство разбирается. Тут уже не мой уровень. Бойцы, помогите... гражданину.
- Я сам.

Глава 5. Неоправданные надежды

В общем, начал я сворачивать лагерь. Да у меня тут и были-то только тент, защищающий от слепящих лучей солнца (я и так уже загорел до черноты), подстилка, на которой я спал, и вещмешок. Я всегда всё держу в хранилище: там время стоит, все припасы сохраняются, это удобно.

Собрав вещи, я оделся, закинул вещмешок за спину и двинул с патрулём к городу. Тут пара километров – и будет окраина Сочи. Хм, вечер уже, а я только завтракал. Обед пропустил, потому что спал: укатала меня вдовушка, живущая на окраине Сочи. Только утром выполз из её дома и вот отдыхал, набираясь сил перед следующей ночью, а тут эти.

Около часа топали – ох и духота, – но дошли. Комендатура военная. Сначала оформили меня в журнале учёта, что, между прочим, незаконно: я гражданский, должны через милицию проводить. Я им напомнил об этом, но они всё равно регистрацию провели и после отвели меня в кабинет к дежурному сотруднику.

Пока тот изучал мои документы, лейтенант уже доложил, и я отвечал на вопросы. Услышав один из моих ответов, лейтенант возмутился:

– Горький? Где там Север?! Да и месяц всего на зоне.

– Я образно. Да и не на зоне, а в шарашке при горьковском автозаводе. Мы собирали двигатели для самоходок.

– Это разве не секретная информация? – уточнил капитан.

– С меня подписки не брали, – пожал я плечами и попросил: – Вы не могли бы побыстрее? Через сорок минут начинаются вечерние танцы в ДК, и я не хотел бы опоздать. Вчера зажигали с одной вдовой, целый час отплясывали, потом всю ночь доказывал, какой я мужчина. Сегодня хотелось бы повторить.

– Теперь ясно, почему ты днём спишь, – буркнул лейтенант.

А вот капитан, который медленно краснел, взорвался гневом:

– Танцульки, значит?! Наши парни в окопах погибают, а ты тут у бабьего бока пригрелся?!

– Капитан, рот закрой. Я за год больше тысячи немцев на тот свет спровадил, долгов у меня нет. Если бы каждый боец убил хоть одного немца, война давно бы закончилась, так что не тебе меня стыдить. Тем более я теперь гражданский, что там армейцы делают, за год до не могу нанюхался. Не мешай мне наслаждаться мирной жизнью.

– Гражданин Бард, вы задержаны до подтверждения вашей личности.

– Капитан, не наглей. Если я разозлюсь, от вашей конторы и развалин не останется.

– Что, своих побьёшь?

Я не ответил на этот провокационный вопрос. В общем, вещи у меня забрали (ничего ценного там не было) и отвели меня в камеру. Заперли с какими-то тремя бомжами, видимо, местными алконавтами. Ночь нормально прошла, только есть хотелось, не кормили же.

Утром меня выпустили и отвели к бодрому и выспавшемуся капитану, который мне сообщил:

– Бард, пришла информация по тебе. Из Москвы. Сразу ответили. Ты у нас, оказывается, дезертир.

– Ты с дуба рухнул? Вниз головой? Как я могу быть дезертиром, являясь при этом чисто гражданским? Мне вон ещё паспорт получать. С первыми холодами поеду, а пока тепло, хочу тут время провести.

– Ничего не знаю. Приказали этапировать тебя в Москву. Под конвоем.

Я задумался. Прорваться и уйти уже на нелегальное положение или всё же скататься и узнать, что за хня происходит? Лично я своим положением был более чем доволен. Удача от

меня не отворачивается, с первыми холодами я планировал перебраться на немецкую территорию (вон Крым они взяли) и поработать по немецким тылам. Попартизанить. Москва была в планах, но только чтобы девчат и детей навестить: я ведь даже и не знаю, кто там у Лары родился. В общем, победило любопытство. Пусть будет Москва.

Меня оформили, приставили ко мне двух бойцов конвоя, выдали им припасы на дорогу и отвезли нас на железнодорожную станцию: нам были забронированы три места в пассажирском вагоне. Если думаете, что до станции мы доехали на машине, разочарую: на телеге, даже не на бричке. А потом – неспешное движение, и через четыре с половиной дня мы прибыли в Златоглавую.

Тут нас уже ждали, встречали, и машина была, полуторка. Отвезли в комендатуру столицы, и снова камера, уже для командиров. А вот это интересно. Что тут всё же происходит? Я был раздражён оттого, что не мог утолить своё любопытство. Устроился на свободном месте и прикрыл глаза, потирая кисти рук: меня перевозили по-серьёзному, как опасного преступника, в наручниках, а они тугие, и, похоже, шрамы останутся. Был вечер, я успел получить ужин и убедился, что тут неплохо кормят, с котла комендачей. Ну а после – спать.

Утром, уже после завтрака, ближе к десяти часам, конвойный отвёл меня в кабинет следователя.

– Садитесь, гражданин Бард, – буркнул толстый майор, протирая лысину платком.

Плюхнувшись на стул, я чуть напряжился, готовый атаковать майора. Буду прорываться. Надоело всё.

И тут он задал вопрос, которого я точно не ожидал услышать:

– Вы в курсе, что суд над вами был фиктивный? Вы слышали об операции «Оверлок»?

– Что за бред? Никакого фиктивного суда не было. Не надо мне портить карму, меня всё устраивает. И что за операция «Оверлок»?

Майор с силой потёр лицо ладонями и пробормотал:

– Ситуация начинает немного проясняться. Значит, вас не ввели в курс дела? Меня же убедили в обратном.

– Что за бред вы тут несёте?

Мне крайне не нравилось то, что я слышал. Пятая точка сигнализировала, что меня снова хотят втянуть в ряды Красной армии, а мне бы этого не хотелось.

– Придётся мне прояснить ситуацию. То, что у немцев есть серьёзная агентурная сеть не только в штабе Юго-Западного фронта, но и на Калининском, было хорошо известно. Часто там выходили в эфир неизвестные радиостанции. Да и немцы на все наши действия реагировали с неприятной быстротой. Для их разоблачения была разработана операция «Оверлок, я являюсь одним из разработчиков. Об операции мало кто знал, но генерал Петровский и товарищ Берия в курсе, доклад шёл лично нарком. Мной был найден на Северном фронте старлей из разведки, поволжский немец. Его в офицерской форме вермахта перекинули к месту выхода наших окруженцев и взяли в плен, чуть не пристрелив при этом. Рисковали, да, но всё получилось. Он и заявил, что вы его агент.

Дальше уже началась игра с немцами. Вам подробности знать ни к чему, но три агентурных сети мы вскрыли, только не брали. Самое главное, резидента найти не удавалось, но помогли ваш арест и фиктивный суд. Разыграли как по нотам. Я думал, вы хороший актёр, но оказалось, для вас всё было по-настоящему. Наш план сработал, вылезли голубчики, уж очень их интересовало, что происходит. Так что взяли мы всех и даже начали радиоигру, давая дезинформацию немцам. Благодаря этому и смогли удержать фронт на линии Орёл – Брянск.

А ту шарашку на заводе в Горьком я вам подобрал, чтобы вы спокойно там поработали. Можно сказать, отпуск вам организовали. А вы там неплохо устроились, как я узнал: две любовницы из осуждённых, из красильного цеха, старшим стали в бараке. Понятно, почему не хотели покидать шарашку. Видел я ваших любовниц, любой жеребец копытом забьёт. Как

мужчина мужчину я вас понимаю. Вы их там ещё и подкармливали. А вот вагоны с дынями перехватили, отправили в госпитали и детские дома.

– Что-то я на допросах не заметил, что они фиктивные.

– О, кстати, раз вы уж о них напомнили. Меня как раз направили разобраться со странной гибелью командиров особых отделов двух фронтов. А я хороший следователь. Нашли двоих со следами пыток, явно был проведён полевой допрос. Остальные были расстреляны или из немецких пистолетов, или из наших винтовок. Часто на месте расстрелов оставались следы, характерные для егерей ягд-команд, даже оторванный шеврон одной из команд нашли. Грубая импровизация. Ягд-команды работают только по своим тылам против партизан и наших диверсионных групп. В нашем тылу немцы работают в нашей форме. Знаете, что самое интересное? Все убитые так или иначе были связаны с вами, кроме двоих, что погибли ранее. Про Маринина и не говорю: то, что между вами вражда, вы оба особо и не скрывали. Я выяснил, что он вам в прицел случайно попал, должен был быть в другом месте.

– Не надо на меня вешать чужие трупы. Я из Горького сразу отправился на Чёрное море.

– Хохму с Севером мне уже доложили. Знаете, я только что прилетел из Горького, когда мне сообщили, что вас доставили в столицу. Там скандал был. Один фронтовик опознал на местном лесничем пятнистую куртку немецкого егеря. Потянули за ниточку и дошли до торговца на рынке, а он по фотографии опознал вас как продавца. Какое совпадение, правда?

– Действительно, совпадение, – легко согласился я. – На рынке был и куртку продал, не отрицаю. Только я в этом случае как посредник выступал, продавал чужое. Это трофеи одного из командиров, который в госпитале лежал. Деньги ему потребовались, вот и оказал я ему услугу. Я же покинул завод почти голым, где мне держать подобное снаряжение?

– Да, это тоже вызывало недоумение. Я же думаю, что кто-то доставил вам эти вещи, вы ведь известный трофейщик.

– Политуправление постоянно ругается, – пожал я плечами.

– И то, что вы пропускаете их нотации мимо ушей, мне тоже известно.

– И всё же не стоит чужие трупы на меня вешать.

– Дела с этими убийствами уже закрыли, по приказу сверху. Хотя я бы смог привязать вас к ним. Ладно, забудем это. Хотя вы лично мне сильно перестали нравиться после этих убийств.

– Я тут ни при чём, – спокойно, ровным голосом повторил я.

– Я же сказал, забудем. Теперь по дезертирству, которое на вас висит. Это уже статья, и серьёзная. Вас уже заочно осудили по этой статье и вынесли приговор – штрафбат. Будете искуплять кровью. И это не фиктивный суд.

– Гражданского? Спокойно, – чуть громче сказал я, доставая из нагрудного кармана бумагу (точнее, делая вид, что достаю из кармана, а на деле – из хранилища). – Видите эту бумагу? Руки прочь, я разверну, так изучайте. После суда, фиктивного, как вы его назвали, я потребовал выдать мне копию решения суда, но мою просьбу проигнорировали. После освобождения из шарашки я воспользовался своими связями, знакомых у меня хватает, и мне добыли копию решения суда. Более того, побывали с этой бумажкой в кадровом отделе Красной армии и в военкомате, где я призывался.

Представляете моё удивление, когда мне сообщили, что вскоре после суда квартиру у меня отобрали, а вот ни в военкомате, ни в кадровом отделе о суде ничего не знали. Бюрократия в армии, конечно, слабое место, но не настолько. Они по моей просьбе исправили это упущение. Так что и в военкомате, и в кадровом отделе я уже пять недель как с позором изгнанный из армии и потому гражданский. А значит, ваш заочный суд, так называемый настоящий, незаконен. Я в ведении гражданских судов, но никак не военных. И вот вторая бумага, официальная, со всеми печатями, что я уволен из армии решением суда.

– Что ж вы наделали-то? – горестно покачал головой майор, грустно глядя на меня. – А с квартирой мы разберёмся, выясним, почему её отдали другим.

– Не надо играть. Если вы изучали мою биографию, то знаете, что в армии я случайный человек, я из этого секрета не делал. Не нравилось мне служить. Воевать и бить немцев нравилось, а служить – нет. Я на суде плакал. От счастья, что мечта исполнилась, что всё, я свободен. Поэтому я, даже не зная, что суд фиктивный, радовался его решению. На карьеру мне плевать, а награды я спрятал и на поругание не дам, они честно выслужены, не вы награждали, не вам и отбирать.

Изгнание из армии стало для меня счастьем. И вы мне его сейчас хотите испортить, сообщая, что суд фиктивный. Поэтому скажу так: для меня он был настоящим! Так, и только так, другого не приму. Возможно (я не говорю, что это обязательно будет), мне пришлют повестку, если найдут. Тогда снова присяга и снова пойду воевать, простым красноармейцем. Я, конечно, своё отвоевал, но ещё побить немцев не против, очень даже за. Вот такая у меня позиция.

– Угу, – хмыкнул майор и уточнил: – А зачем повторно присягу давать? Вы же уже давали?

– Это моя клятва. Захотел – дал, захотел – забрал обратно. Вот я и забрал после суда. А повторно делать такую глупость не хочу.

– Это обида в вас говорит, – постучав карандашом по столешнице, сказал майор. – Я разберусь, почему до вас не довели нужную информацию. А пока посидите в камере.

– Это незаконно.

– Вот и разберёмся, где и что законно.

Прежде чем увести меня в камеру, два дюжих конвоира тщательно меня обыскали, даже одежду сняли. Майор прощупал швы, но те бумаги, что я ему показывал, так не нашли. Зато обнаружили небольшую заточку в шве. Заточке я сам удивился: сколько эти вещи ношу, не ощущал её. Очевидно, она принадлежала прежнему хозяину моей одежды.

Потом я снова оказался в камере, и два дня была тишина, майора я больше не видел. А на третий день мне зачитали постановление «настоящего» суда, согласно которому подполковник Бард был арестован за дезертирство, лишён звания и наград, а срок был заменён на штрафбат: мол, пусть кровью смоем свою вину. Какую вину? Нет за мной вины. Я так и заявил. Кто бы меня послушал.

Как есть посадили меня в состав, что шёл на Юго-Западный фронт, и отправили на передовую. Такое могли провернуть, если только затёрли информацию о том, что я был с позором выгнан из армии, и в личном деле в военкомате, и в личном деле в кадровом отделе РККА. Майор такое вполне мог провернуть, а после просто кинул меня в жернова военного правосудия. Что я могу сказать? Память у меня хорошая, встретимся ещё с этим майором.

На третий день привезли меня к свежестроенным баракам, окружённым колючей проволокой. Натуральная зона, и вышки были, но тут содержали 1-й отдельный штрафной батальон Юго-Западного фронта. Замечу, что в батальонах отбывали своё наказание командиры, а в ротах – простые бойцы. И хотя батальон был сформирован недавно, но в боях уже бывал, стёрся весь, теперь второй состав накапливают.

Ещё перед отправкой, после того как зачитали решение «настоящего» суда, мне выдали новую красноармейскую форму, ботинки с обмотками, тёплое зимнее бельё и телогрейку защитного цвета. Пилотка была без звёздочки. Одежда не для осени, тем более уже морозы ударили. Сегодня первое ноября, и было довольно холодно, минус восемь где-то.

Вообще, тёплая одежда и всё необходимое для зимовки на открытом воздухе у меня было. Я собирался зимой порыбачить на льду, с ночёвками, так что подготовился, с этим проблем нет. Правда, у меня всё гражданское. Пока на поезде ехали, я под гимнастёрку свитер надел, красивый, синий, с оленями.

Командир батальона меня встретил и отпустил конвой: всё, я теперь на территории зоны и в его ведении. Мы прошли в барак, где располагался штаб. Командир изучил моё личное дело (думаю, это копия), недовольно поцыкал зубом и спросил:

– Почему же такой прославленный командир, дважды награждённый золотыми медалями Героя, и вдруг дезертир?

– Сам в шоке. Меня осудили как немецкого агента. Сняли звание, отобрали награды, точнее копии, выгнали из армии и отправили отбывать двадцать лет в шарашку на Горьковском заводе. Мы там самоходки делали. А когда месяц прошёл, меня амнистировали. Ну, а я же гражданский, суд это подтвердил. Вот и отправился как свободный гражданин нашей страны на Чёрное море отдыхать, кости на горячем песке погреть.

– Вижу, загорел до черноты.

– Ну да, два месяца отдыхал, пока на берегу патруль на меня не наткнулся. Начали проверять, и оказалось, что я дезертир. Отправили в Москву. Там мне и объяснили, что суд фиктивный был: таким образом выявляли немецких агентов. Вот только когда меня допрашивали, избивали не фиктивно, да и суд я считаю не фиктивным, а вполне настоящим. Я даже провёл это через свои личные дела и стал гражданским. А они всё равно переиграли, как им надо, и подтвердили судом, что я дезертир. И вот теперь я у вас. Гражданский человек в военной форме.

– Интересная ситуация. Правая рука не знает, что делает левая, – покивал командир. – Слышал о подобном. Кстати, тебя ведь раньше считали человеком Потапова, а когда он погиб, тебя пригреб наш командующий фронтом. Ты его человек. А тут два дня назад к нам привезли его личного адъютанта: под суд попал за невыполнение приказа. Странное совпадение.

– Я даже догадываюсь, какого. Скорее всего, это он должен был мне сообщить, что идёт игра с немецкой агентурой и я в ней лишь пешка. Скажи, майор, а тебя не просили направить меня в ту же роту, куда и этого бывшего адъютанта?

– Приказали, – просто ответил тот.

– Ну, так оформляй.

Вот так я и был зачислен во вторую роту третьего взвода этого отдельного штрафбата.

А ночью всех разбудил дикий крик. Нажимая носком ботинка на яйца парня года на два старше меня, я расспрашивал его, как он тут оказался. Сразу слился. Выяснилось, что ему было приказано поговорить со мной, как только меня доставят в штаб Юго-Западного фронта. То, что особисты Калининского из меня почти отбивную сделали, считалось форс-мажором, секретность же навели.

А у адъютанта был выбор: или к девушке идти, с которой они только что познакомились, или выполнять приказ. Он и перепоручил его выполнение другому командиру, а сам пошёл гулять с девушкой, будучи уверенным, что приказ Петровского поставить меня в известность насчёт операции «Оверлок» выполнен. Операция-то была секретная, адъютант сути не знал, его задача была просто передать мне письмо, убедиться, что я его прочёл, и при мне уничтожить письмо огнём.

Этого бывшего старлея допрашивал уже знакомый мне майор, которого я принял поначалу за следователя московской комендатуры, если там вообще есть такая должность. Тот за голову схватился: по сути, утечка информации. Нашли и того командира, что должен был перепорученное выполнить. Оказалось, и он перепоручил, сержанту. Что дальше, старлей не знал, ему не сообщили. Но майор там шороху навёл. Адъютанта осудили, и вот он тут. За дело получил, сам себя наказал. А та девушка его продинамила.

После первого же крика адъютанта дежурный от щепки из печки, где он поддерживал огонь, зажёл свет в самодельной лампе, так что за допросом наблюдали все.

– Похоже, комфронта вообще не уважают, брезгуют выполнять его приказы, – сплюнул я и, убрав ногу с яиц штрафника, вернулся к своим нарам.

Один из штрафников спросил:

– И что, так это оставишь?

– Он сам себя наказал. Немцы станут исполнителями правосудия, я брезгую. Тем более меня всё устраивало. Я даже готов был спасибо ему сказать, если бы меня к вам не дёрнули, а оставили в покое.

Вот так, под стоны штрафника (похоже, яйца я ему не отдал, а раздавил), и уснул.

Следующие две недели территорию зоны мы не покидали. Состав батальона быстро пополнился, и с палками, имитирующими винтовки (оружие получим перед самым боем), мы учились бить чучела, отрабатывали строевую. В общем, пытались хоть как-то убить свободное время.

Со мной пытались выйти на контакт некоторые из штрафников, но тут уже не то раздолье, как в нашей шарашке. Я был одиночкой, и многие это поняли. Особо не форсил наличием разного имущества, питался, как все, скудной пищей, отрабатывал навыки атак противника, всё как всегда. Хорошо, танковые штрафные подразделения ещё не сформировали, только начали, иначе я бы туда попал, а в пехотном подразделении шансов выжить всё-таки больше, это моё мнение.

В бараках мы общались. Я и здесь пустил утку об испанской «Голубой дивизии», и это вызвало напряжение у некоторых из штрафников. Тут с зон добровольцев было мало, едва на взвод наберётся, в основном из воров, вот эти больше всего и расспрашивали об испанцах. Я рассказал пару жутких историй о том, как они утаскивали к себе, в свои блиндажи, наших уснувших часовых, чьи жуткие крики долго потом разносились по окрестностям. Постепенно эта байка обросла огромной массой подробностей, и никто уже не сомневался в том, что это правда.

Так прошли две недели. И вот нас вдруг построили, вывели с территории лагеря и под конвоем погнали по дороге. Восемь сотен штрафников, семь рот. Снег ещё не выпал, но морозец стоял. Недавно шли проливные дожди, от которых мы прятались в бараках, и теперь, когда ударил мороз, всё сковало льдом, поэтому двигаться было неудобно, многие падали. Часа два мы так топали.

Чуть позже вышли на дорогу, разбитую гусеницами танков, прошедших, видимо, перед нами. Лёд хрустел под сапогами и ботинками, идти стало легче. Многие матерились, жаловались на холод: ну конечно, у многих ведь тонкие шинельки. Лёгкий, но холодный ветерок выдувал всё тепло. Я и сам был в летнем обмундировании, полученном в Москве, да в телогрейке. Уши приходилось отогревать, пилотка вообще не помогала.

А вели нас, как многие быстро поняли, к железнодорожной станции. Там на запасном пути стоял эшелон с теплушками. По шестьдесят человек набивали в вагон, но поместились все, и вскоре эшелон дал ход. Видимо, решили наступать, и мы будем пробивать коридор, но от места нашего содержания далековато, вот и решили доставить поездом.

Почти сутки мы были в пути. Провизию выдавали на руки, ели всухомятку. На весь день мы получили половину буханки ржаного хлеба, две луковицы и два куска жирной селёдки. Кипяток на станциях носили дежурные. Простая вода, но я свою чернил заваркой да кидал кусочек сахара и лимона, а так старался не выделяться и из хранилища ничего не доставал. Хотя свитер под гимнастёркой продолжал носить, а в карманах красноармейских шаровар у меня лежали вязанные перчатки. Свитер я убирал всего дважды, когда помывку организовывали. Это армия, тут с этим строго.

Глава 6. Штрафбат

Я написал девушкам письмо о том, что снова в армии; ответа пока не было, не успел бы дойти. Эти две недели на зоне прошли для меня неплохо. Между прочим, я нашёл здесь командира из 30-й танковой дивизии, в комдива которой меня должны были подселить после гибели. Не получилось, и ладно. Он комбат, в дивизии с начала войны, и пока дивизия окончательно не сгинула, трижды выходил из окружения.

Вот с этим капитаном я и общался. Мы даже на одних нарах устроились: у него верхняя полка, у меня – нижняя. Ох и много чего он рассказал мне по сорок первому году, а что не сразу вспомнил, позднее поведал. Он войну начал капитаном, потом был майором. По суду сняли ему одну шпалу, разжаловали обратно в капитаны за то, что не выполнил приказ командира взять высоту.

А приказ невыполним был. Все танки в заболоченной пойме реки перед высотой застряли, и немцы их расстреляли. Да и было их в батальоне пять единиц после последних отступлений и боёв. Комполка, отдавшему приказ, ничего, а комбата, выполнявшего этот приказ, сюда, в штрафники. Причём рассказ капитана подтвердил один из штрафников, который его знал.

По прибытии, а было это ночью, нас высадили и под лай собак куда-то толпой погнали. Три часа мы топали. Сосредоточились в голой рощице; если бы не ёлки, что росли с одной стороны, она бы насквозь просматривалась. Костры нам жечь запретили, передовая близко, так что кто как согревался. Я, например, зарядку делал и перчатки надел, холодно было.

Потом нас поротно повели к машинам и начали выдавать оружие, а после также ротами отправили к передовой, где мы спускались в мелкие окопы, на дне которых был лапник, пропитанный водой. Хм, мы где-то у Брянска, как я понимаю. Охрана осталась позади, нас они особо не боялись, даже когда мы оружие получили. Патронов-то нет, они вон тут штабелями, и на них сидят командиры взводов. Получали на руки по десять обойм, а также по одной гранате РГД-33 с осколочной рубашкой. Винтовка мне досталась покоцанная, штык выломан, но механизм в порядке.

От ротного прибежал взводный и негромко сообщил:

– Выбираемся из окопа и молча бежим на немцев. Минных полей перед нами нет. Соблюдать тишину. До немцев триста метров, они на высоте. Потом вторая полоса окопов, до них ещё четыреста метров. А как к ним в окопы будете прыгать, уже можно орать. Приготовиться... Выходим.

Сигнал дали фонариком. Оттолкнувшись, я лёг грудью на бруствер, закинул на него ногу и, перекатившись через спину, перевалился через край окопа. Вслед за мной выбирались другие парни, а я уже бежал к немцам. Ремни нам выдали, но без подсумков, патроны пришлось рассовывать по карманам. Я все убрал в хранилище, иначе выпадут, пока бежим, а в магазине винтовки только пять штук.

Мы пробежали едва половину, когда поднялась тревога и над нами взлетели, почти разом, несколько осветительных ракет. На миг встав на колено, я выстрелил. Винтовка оказалась довольно неплохо пристреляна, точно через реммастерские прошла, и я одной пулей поразил двух немцев, бежавших к пулемёту. Их окоп, чуть выдвинутый вперёд, был отлично виден мне отсюда, сами ракетой подсветили. Пуля попала в шею первому немцу, пробив её насквозь, и поразила в грудь второго.

А я тут же рванул дальше. Немцы, выбегая из тёплых блиндажей, занимали позиции, работали пулемёты, щёлкали карабины, но наши уже подбегали, и в немецкие окопы полетели гранаты. Я свою тоже кинул в окоп, который был дальше, там мелькали каски немцев, и попал. А сам спрыгнул в окопчик пулемётчиков, которых я поразил. Один из них уже был мёртв,

второй отходил. Странно, что здесь поста не было, позиция-то выдвинута метров на двадцать вперёд от основной линии окопов немчуры. Может, наблюдатель замёрз и греться ушёл? Поди знай.

Атаковали мы вовремя, одна сторона горизонта уже светлела. Сейчас на вторую линию окопов пойдём. А мне трофеи нужно собрать. Это мои личные, законные, для меня так точно. Действовал я молниеносно, медлить нельзя. Мигом отправил МГ-34 (тот на станке был) в хранилище, у меня там около тонны свободного места, всегда держу для неожиданных трофеев. С пулемётом прибрал две коробки с лентами и ящик с патронами.

С тела первого немца я взял ремень с парабеллумом в кобуре, сразу привёл пистолет к бою и сунул за ремень. Со второго немца снял карабин и подсумки. У обоих выгреб мелочовку из карманов, забрал наручные часы и четыре гранаты-колотушки. Ранцев не было, видимо, оставили в блиндаже, теперь это уже не мои трофеи. Документы забрал, потом сдам.

Секунд сорок всё заняло, после чего я двинул дальше. Винтовку свою не бросил, сдать потом придётся, но пока держал в левой руке (ремня у неё не было), а в правой – пистолет. Он почти сразу мне пригодился. Добежав до основной линии окопов, я при свете очередных ракет увидел, как два немца душат нашего брата-штрафника. Застрелил обоих, постаравшись своего не зацепить, потом ещё трёх немцев застрелил. Среди наших много убитых видел.

После этого, сунув пистолет за ремень, я вскинул винтовку к плечу и начал прицельно стрелять. Не выдержавшие нашего натиска немцы убегали по полю, а мы стреляли им в спину. Я тоже палил: четыре выстрела – четыре поражения цели. А пока перезаряжался, вставляя обойму, всех и положили, ни один не убежал.

Хотя у тех окопов, что вели от первой линии ко второй, бои шли серьёзные. Немцы там пулемёты поставили и крепко держали оборону. А командиры орали на нас, гнали вперёд. Со спины к нам подходили линейные части, которые должны были занять взятые нами окопы. А спас я, оказывается, бывшего адъютанта Петровского, вот же ирония судьбы. В госпиталь отправят, если выживет: немец успел ему штык под ребро сунуть.

А пока атакуем. Перевалившись через край окопа, я вскочил на ноги и с матом рванул дальше. Падал четыре раза, все четыре – у тел подстреленных мной немцев. Собирал трофеи. У одного забрал МП-40 с подсумками запасных магазинов: бой в окопах – такое дело, с винтовкой там туго, на первой линии мне пистолет помог, тут пистолет-пулемёт будет. Документы тоже забрал, для отчётности.

Немцы из второй линии обстреливали нас, пули так и свистели. Я тоже вёл прицельный огонь из глубокой воронки. Видел, как мои пули сбивали каски после поражения в голову. Нас тут было пятеро, включая командира взвода. Я удивился тому, что он жив.

Тут наши прорвались во вторую линию окопов, и немцы сильно озаботились отправкой туда подкреплений. Так что мы, следуя приказу взводного, покинули воронку и рванули вперёд. То тут, то там рядом с нами поднимались из укрытий и другие парни. Из нашей воронки двоих взводному пришлось поднимать пинками.

Я бросил две гранаты в окоп, где видел каски, и упал, пережидая взрывы. Потом вскочил и с пистолетом в руке спрыгнув в окоп, сразу застрелил здорового немца, вооружённого МП, в нашем советском овчинном полушубке; видать, он его с какого-то командира снял. Мне полушубок понравился, поэтому стрелял в голову.

Потом я выпустил весь магазин, стреляя по немцам вокруг. Их тут было восемь, пятерых убил я, троих пристрелили или закололи другие штрафники. И пока они прыгали или сползали в окоп, я быстро вытряхнул немца из моего полушубка (вроде не испачкал) и, сделав вид, что занял стрелковую ячейку (это ниша в стенке окопа), прибрал и ПП, и белый полушубок; хотя зря его белым называют, он скорее жёлтый.

Сменив винтовку на пистолет-пулемёт, я рванул дальше и стал у наших парней пробивной силой, заливая окопы свинцом. Сначала летели гранаты, потом, переждав разрывы, я высо-

вывал из-за угла ствол автомата и давал очередь на полмагазина, а дальше бежали парни, работая штыками и так зачищая окопы. По немцам, которые покидали окопы и бежали к себе в тыл, стреляли из винтовок. Некоторые штрафники торопились, мазали и оттого матерились.

Я и не заметил, как меня ранили, парни сказали. По левой руке что-то потекло. Я скинул телогрейку – попортили, гады, – и мне перевязали руку прямо поверх гимнастёрки. Царапина оказалась, мясо чуть подralo.

Я успел прибрать два ППШ и одну СВТ с боезапасом, причём всё это снято с немцев, у наших такого оружия не было. Брал ещё винтари да ручные пулемёты, но последних было мало. Это все мои трофеи: уж очень свидетелей много.

Тут линейные части начали занимать вторую линию окопов, а между первой и второй по полю ползали сапёры, снимали мины. Так это мы всё же по минному полю бежали?! Пусть в основном тут противотанковые, но и противопехотные были. Значит, не показалось мне, подорвались парни.

Дальше мы не пошли, дальше атаквала свежая стрелковая дивизия, а потом по проложенным коридорам пошли и танки. Это были «Матильды», полученные по ленд-лизу, я их ещё не видел и поэтому, присев на станину противотанковой пушки, рассматривал во все глаза. Пушечки у них какие-то слабые, вряд ли больше 50 миллиметров.

Все трофеи я уже убрал, в руке была выданная мне перед боем винтовка. Всех наших собрали в одном месте, потом забрали у нас оружие, тщательно обыскали и повели в тыл. Документы убитых немцев, шестнадцать ровным числом (это те, что собрать смог), я сдал командиру роты. Он уцелел, в отличие от нашего взводного.

Раненых отправили в медсанбат дивизии, уходившей в прорыв, мне заштопали рану, наложив три шва, обработали, перевязали и отпустили. Конвой ждал снаружи, и мы двинули в тыл. А там, в той же роще, откуда мы уходили в бой, собралась комиссия, рассматривавшая дела штрафников, искупивших свою вину кровью. К моему удивлению, в этот список попал и я. Причём всё довольно торжественно было: каждому вручали справку об искуплении вины, направление на службу и... звёздочку для пилотки. Знаков различия у нас, штрафников, не было.

Отойдя, я сунул справку, мой единственный документ, в нагрудный карман гимнастёрки, звёздочку вставил в пилотку, после чего изучил предписание явиться в штаб Юго-Западного фронта. Ага, второй раз я на это не попадусь, вон в штрафбат попал. Поэтому предписание я выкинул и направился к танкистам. В прорыве участвовала танковая бригада, её штаб и тылы были ещё тут. Однако меня послали: это гвардейская часть, элитная, штрафников они не берут.

Из четырёх дивизий, участвовавших в прорыве (я думаю, это локальные бои, а не крупные наступательные операции), две были обычными стрелковыми. Вот я и успел к штабу одной из дивизий, это была 23-я стрелковая. Осмотрев справку, дежурный направил меня по инструкциям, и уже через сорок минут я имел новенькое красноармейское удостоверение (к счастью, у штабных был запас) и направление в 225-й стрелковый полк, который уже был в наступлении. Придётся его догонять.

Здесь шли в прорыв четыре дивизии: две вперёд с танковой бригадой, а по одной уходили на правый и левый фланги. Наша дивизия как раз разворачивалась на правом, заключая в мини-кольцо находившиеся там немецкие войска. В штабе я узнал задачи нашей дивизии. Они заключались в том, чтобы блокировать немцев, не давая им уйти, после чего пленить их или уничтожить. Я же говорю, это не наступление, просто выравниваем линию обороны.

К счастью, меня не опознали, но это и неудивительно: тут все в загоне, всё второпях. Я не один был из штрафников, нас целый взвод собрался, хотя от нашего штрафбата едва две сотни уцелели, половина были ранены. Вооружили нас, как смогли, я ухватил карабин Мосина и получил подсумки с ремнём, после чего один из командиров повёл нас вперёд, в один из полков: будут пополнять штаты прямо во время наступления. Любопытная методика.

Ладно хоть не пешком отправили, а рассадили весь взвод на десяток грузовиков, с патронами, гранатами и питанием. Дорогу уже проложили, окопы засыпали, чтобы техника прошла, целый сапёрный батальон над этим работал. Вскоре мы выехали на укатанную ещё немцами дорогу и, обгоняя разные подразделения дивизии, постепенно нагоняли наш полк. Шум боя впереди звучал всё громче.

На перекрёстке регулировщик заставил нас повернуть влево. Эта дорога ныряла в хвойный лес и уходила вглубь оккупированных территорий. Мы повернули и покатали по ней. Надеюсь, там дальше ещё регулировщики есть. Я сидел на замыкающей машине, устроившись на ящиках со снарядами для сорокапятки. В кузове я был один, специально подошёл к ней, видя, что больше желающих нет. Кузов крытый, но полог был распахнут, и я видел, что за нами повернула конная батарея трёхдюймовок.

Мы проехали по лесу метров триста, когда наш «Захар» вдруг начал стрелять глушителем, дёргаться и в конце концов заглох. Водила свернул на обочину и, покинув кабину, начал ковыряться в кузове. Я тем временем прогуливался вокруг машины, охранял его и груз, да и отлить отошёл. Перед выездом нас покормили с полевой кухни, поэтому я был сыт, ковырялся веточкой в зубах. Мимо прошла батарея, потом обоз, и наступила тишина. Слышны были только стрельба вблизи и вдали да орудийная канонада.

Наконец водила нашёл засор, прочистил, и мы покатали дальше, догоняя нашу колонну, которая давно ушла вперёд. Мы проехали ещё полкилометра, пересекли глубокий овраг, и тут машина встала юзом, отчего я проснулся. Да, умудрился немного задремать на ящиках. В кабине места не было, там мешки с перевязочным материалом и лекарства в хрупких банках, в кузове проще.

Выглянув, я увидел, что по тёмному тоннелю леса нам навстречу по дороге бегут несколько наших, в которых я опознал недавно прошедших мимо нас обозников. Среди елей мелькали ещё несколько. А потом я услышал их крик:

– Танки!

Водила грузовика, который, высунувшись, стоял на подножке, слушая вопли обозников, тут же захлопнул дверь и с хрустом начал включать заднюю передачу, которая никак не включалась. Спрыгнув из кузова на землю, я едва успел сделать шаг в сторону, как «Захар», ревя движком, начал сдавать мимо, обратно по дороге, в сторону оврага. Да, там места больше, развернуться можно. Хотя водиле и дороги хватило: проехав метров десять, он повернул, передок на скользкой дороге легко развернуло, и грузовик вскоре скрылся в овраге, мелькнув на другой стороне развевающимся пологом заднего тента.

Обозники, которых он даже не подумал подобрать, уже пробежали мимо. В лесу стало тише, движения не видно. Закинув ремень карабина на плечо, я, настороженно поглядывая вокруг, направился вперёд. Вскоре стал слышен рокот моторов. Похоже, действительно техника. Что плохо, лес был чисто хвойный, то есть голые стволы на два-три метра от земли, а выше – разлапистые еловые ветви, и кустарника особо нет, только в овраге, который мы проезжали. Поэтому видимость в лесу была метров шестьдесят-семьдесят, а где и больше.

Дорога здесь делала плавный поворот, поэтому из-за стволов я не видел, что происходит дальше. Решил пробежаться вперёд, а вскоре лёг на старую хвою и двинулся рядом с обочиной, обползая деревья, как ящерица. Вскоре засёк впереди движение, достал трофейный полевой бинокль и стал изучать немцев. Ну да, они.

– О, «Тигр», похоже, первой серии. Хм, чего это обозники его во множественном числе называли?

В принципе, несложно понять, почему: помимо «Тигра» там были ещё две самоходки «Артштурм», три бронетранспортёра, шесть грузовиков и... А что дальше, я не видел: колонна немцев скрывалась за очередным поворотом. Видимо, для обозников всё, что имеет мотор и броню, является танком.

А теперь о том, что я увидел. Тут от оврага дорога плавно делает поворот, потом почти ровно продолжается ещё метров на двести, а в конце имеется перекрёсток. Видимо, пушечная батарея повернула и стала уходить по другой лесной дороге, а обозники, выехавшие к перекрёстку, где, очевидно, стоял очередной регулировщик, лоб в лоб столкнулись с немцами, впереди которых шёл тяжёлый танк. Я лично впервые с ним столкнулся, хотя на разных фронтах он с лета мелькал.

Пушку он не использовал, иначе я бы услышал, да и целей для неё тут не было, видать, пулемётов хватило. Все одиннадцать подвод находились там же, лошади где убитые лежали, где стояли привязанными у стволов деревьев. Немцы уже заканчивали обыскивать повозки и телеги, сбрасывали на землю то, что им неинтересно. Кроме уже описанной мною техники были ещё шесть мотоциклов, два из которых как раз катили в мою сторону.

Здесь было около роты солдат, причём опытных: расставили дозоры, даже углублённые в лес, не подобраться. У меня есть немецкая форма, но она летняя, да и нашивки другой дивизии. Помимо шинелей на некоторых немцах были цветастые женские платки. Вроде и мороза нет, чего это они? Сапоги простые, а у двоих приметил валенки. Интересно, откуда взяли? Наша армия на валенки, да и вообще на зимнюю форму одежды ещё не перешла, только готовилась. Наверное, у деревенских отобрали.

Танк замер на перекрёстке, развернув башню в ту сторону, куда ушла пушечная батарея, туда же укатили три из шести мотоциклов. У четвёртого мотоцикла возился экипаж: похоже, он заглох, и его не могут завести, ищут причину. Нет, мне такого трофея не надо. А я действительно собирался прибрать подобный трофей, у меня мотоциклов нет, только два педальных, которые я купил на рынке в Анапе. Эх, жаль, на два не хватит места в хранилище, мой хомяк горько плачет навзрыд. Но ничего, отберу тот, что получше, из тех двух, что катят мне навстречу.

Причина, почему немцы встали у перекрёстка и пока не двигались вперёд, была веская: одна самоходка «Артштурм» застряла, фактически на боку лежала. Видимо, сползла в канаву или глубокую колею, или вообще в воронку, поди знай. У меня тут дорога ровная, канав нет, а вот чуть дальше виднеются воронка и остов сгоревшего Зис-5, всего проржавевшего, видать, с летних боёв тут. Застряла самоходка капитально, немцы кидали тросы ко второй «Артштурм», и эти две самоходки всю дорогу перегородили. Пока их вытаскивали, танк страховал, а мотоциклистов разогнали выяснить, где находятся русские.

Два мотоцикла, звеня моторами, приближались к моей лёжке. Я не сомневался, что если ударю из засады, шансов у них немного, и то, что их камрады рядом, им не поможет. Быстро соберу трофеи и свалю на втором мотоцикле.

Я также обдумал возможность использовать пушечный Т-40. Все три бронемшины у меня в полном порядке: пока я отдыхал на побережье Чёрного моря, полностью их в порядок привёл, покрасил, и теперь они имели маркировку танковых частей Красной армии. А что, пока я в шарашке срок тянул, думаете, из красильного цеха не увёл бидоны с нужной краской? А под южным солнцем выкрашенные танки отлично сохли.

Два моих танка имели окраску и тактические знаки РККА, а один, Т-40 с ДШК, немецкую символику. Оставил на всякий случай, вдруг под немцев где-нибудь поработать потребуется, я ведь смотрю далеко вперёд. Также и с автотехникой. Француза и один «кюбельваген» я покрасил нашей краской, а «опель» и второй «фольц» оставил в прежнем виде.

Так вот, что я могу со своей небольшой 20-миллиметровой пушкой танкетки? Да, в принципе, её бронебойные снаряды легко расковыряют броню и бронетранспортёров, и «Артштурм», если бить самоходкам в корму и в борта в районе ходовой, там она тонкая. А вот «Тигру» я ничего не сделаю, даже если дам очередь по погону башни: не для моего калибра его броня.

Что ещё из интересного рассмотрел? Я в курсе, что у каждой пехотной роты вермахта в штате два-три противотанковых ружья. Тут мотострелки, гранадёры, какая-то мотопехотная часть, но и у них я рассмотрел такое ружьё. Один здоровенный немец как раз у ствола крупной ели поставил его на сошки, создавая позицию, в мою сторону, между прочим. Советского ПТР у меня нет, так хоть немецкий будет. Я надеюсь на это.

От немцев было тихо, только мотоциклы, приближаясь, звенели моторами, как надоедливые комары, а потому, услышав шум движения техники, я нахмурился. Лес глушит звуки, значит, бронетехника (а это она) рядом и приближается ко мне. Никак, наши. От оврага я уже отбежал и не видел его, но именно с той стороны приближалась неизвестная танковая часть. Хотя почему неизвестная? Это точно наши. Видать, обозники панику подняли, вот командиры и кинули сюда, что оказалось под рукой. Любопытно, что, если танковая бригада гвардейцев уже ушла дальше в прорыв? Скоро узнаю.

Приближающиеся ко мне мотоциклисты поглядывали по сторонам, пулемётчики цепко водили стволами своих МГ-34, пассажиры держали в руках оружие. Тем не менее меня они не обнаружили. А когда они проехали мимо, я вышел на дорогу и двумя короткими прицельными очередями расстрелял их в спину из ППШ. А что, не из карабина же мне их бить, тут как раз преимущество у немцев, а пистолет-пулемёт Шпагина уравнил наши шансы. Вот только этих самых шансов я мотоциклистам не оставил.

Мотоциклы, дёргаясь, заглохли, разъехавшись по правой и левой обочинам. Один из пассажиров второго мотоцикла пытался соскочить на ходу и теперь лежал на дороге и стонал. Подбежав к технике, я занялся делом. Первым делом провёл контроль и сбросил седоков и пассажиров с трёхколёсной техники, заодно быстро собирая трофеи.

Один мотоцикл был как новый. Я поискал маркировки на деталях, там обычно ставится дата. Так и есть, август этого года, нормально. Этот мотоцикл я и убрал в хранилище, заполнив его почти целиком. Но и по мелочи кой-какие трофеи прибрал, вот теперь точно полное, три кило свободного места осталось. Я подумывал использовать полковой миномёт, у меня было ровно семьдесят мин к нему, но решил не рисковать.

Оставив немцев на дороге, я устроился в седле второго БМВ, который уже завёл, и рванул дальше, потому что в мою сторону, мелькая среди елей, уже бежали два отделения немцев, среагировавших на близкую стрельбу. Своих стволов они не слышали, но работу русского ППШ сразу распознали, а понять, что произошло, было нетрудно.

Я ушёл под первые выстрелы и свист пуль рядом, но только успел разогнаться, как пришлось тормозить: овраг пересекла бронеколонна советской техники. Три единицы: танк Т-70, лёгкая машина, а следом две лёгких самоходки СУ-76. М-да, немцы их снесут и не заметят. Нужно предупредить. За этой бронетехникой шли два грузовика с пехотой и ещё три с пушками, сорокапятками. Действительно, что собрали, то и кинули.

К счастью, меня опознали, хоть я и на немецкой машине был: форма и телогрейка характерные, да и пилотка, каски-то мне не выдали. Ух, а холодно! Резко притормозив, я съехал на обочину, остановил машину и, оставив её тарыхтеть на холостом ходу, одним прыжком взлетел на танк. К слову, с мотоцикла я к тому времени уже снял всё ценное: пулемёт, боезапас к нему, канистру с бензином, да и багажный отсек опустошил.

Взлетев на башню вставшей «семидесятки», я закричал прямо в ухо командиру танка, сидевшего на ней:

– Впереди моторизованная группа: «Тигр» и две «Артштурм». Одна самоходка застряла, её вытаскивают тросами. Сейчас, наверное, уже выдернули. Сюда бегут два отделения немцев, среагировали на шум уничтожения мной мотоциклистов. Встреть их, но дальше не суйся – сожгут.

Командир, который, судя по треугольникам в петлицах гимнастёрки, был старшим сержантом, моего звания не видел, но в ответ на командный рык кивнул, сразу скрылся в башне

и рванул вперёд. Я же, закашлявшись от дымного выхлопа двух движков танка (не нравилась мне эта машина), поднял руку, останавливая самоходки.

Ко мне подбежал командир взвода, младший лейтенант, и я сообщил ему то же самое. Рядом, в сорока метрах от нас, хлопала пушка «семидесятки» и её же пулемёт – это разбирались с немцами, которые в попытках меня догнать выскочили на нашу группу. Теперь они отходили, а танк медленно шёл за ними, прореживая ряды. От пулемётного огня немцы хорошо прятались за стволами, а вот осколочные снаряды пушки тут хорошо работали.

Пока я ставил задачу лейтенанту, мимо чуть не пробежали стрелки, но я их вовремя тормознул: у меня для них было другое задание. Тем более у них три ПТР было. На противотанкистов с сорокапятками я особых надежд не возлагал, хотя они с другой стороны оврага отцепляли пушки и готовили позиции. Их командир тоже был тут и слышал, какие задачи я ставлю. Самоходчик меня опознал, поэтому внимательно слушали. Знали, что я бывший подполковник, из штрафников, из тех, что искупили вину кровью: информация быстро разошлась из штаба дивизии, где меня регистрировали.

А идея у меня была следующая: одно отделение стрелков с техникой оставляю здесь в качестве пехотного прикрытия, а сам, взяв с собой два отделения стрелков и все расчёты ПТР, отвлекаю на себя немцев, ну а самоходчики тем временем бьют технику в немецкой колонне. Мы углубились в лес, обходя дорогу, и стали подбираться к стоявшим на перекрёстке немцам, сначала перебежками, а когда совсем приблизились, уже и ползком.

А потом начался бой. Веское слово сказали ПТР, которые выбивали немецкие самоходки, поражая их в самые уязвимые места. Одна горела, вторая застыла неподвижно. Два бронетранспортера также горели, а мы изрядно проредили пехоту, но нас бы смяли, если бы не одно но: подошёл стрелковый батальон моей дивизии и с ходу атаковал. В общем, выбили мы немцев.

«Тигр» в бою не участвовал. Нет, «семидесятку» он успел уничтожить: снаряд сбил башню с погона, отбросив её в сторону. Но тут ударили наши самоходки, которые заклинили «Тигру» башню и разбили ходовую, при этом под пушку танка не лезли. Экипаж танка сам поджёг его и отступил следом за своими – двое, троих мы срезали. Бой длился двадцать минут. Батальон при поддержке одной самоходки и артиллеристов, вручную кативших свои пушки, висел на хвосте отступающих немцев, которых было не так уж и много.

Помимо «Тигра» у немцев были две «четвёрки», модернизированные, с удлинёнными стволами и дополнительной навесной броней. Одна из них и обездвижила вторую нашу самоходку, сбив ведущее колесо; своими руками не исправишь, ремонтники нужны и детали. Одну из «четвёрок» сожгли, вторая ушла с заклинившей башней – это последний наш расчёт ПТР поработал, два других немцы выбили, как наши стрелки их ни прикрывали. Я прибрал одно ПТР с боезапасом, второе было повреждено. Хранилище заполнилось до отказа.

Я уже потом понял, что это был мой последний реальный бой. Подошли ко мне двое в шинелях со звёздами политуправления на рукавах, из особого отдела дивизии, показали документы и приказали следовать за собой: мол, меня там потеряли. Что там дальше было, как немцев гнали, я уже не видел. А мотоцикл мой угнали: артиллеристов попросил присмотреть, да не доглядели. Я не расстроился, сам такой же угонщик.

Два с половиной года спустя.

17 июня 1945 года.

13 часов 47 минут. Москва

Покинув здание военкомата, где получал свой паспорт, я довольно улыбнулся светившему солнышку, снял фуражку, невольно потряхнув всей массой наград на френче, и платком вытер пот со лба. Жарко, а в здании военкомата ещё и душно. Я был в парадной форме полковника бронетанковых войск и уже несколько минут являлся демобилизованным. Ну, нако-

нец-то. Да уж, двадцать три года недавно справил – и полковник. Впрочем, я и майором самым молодым был.

Хотелось бы рассказать, как геройски я воевал все эти три неполных года до Дня Победы, но рассказывать нечего: не было ничего такого. Когда меня забрали после боя на лесной дороге, сразу доставили самолётом в штаб фронта. Петровский поорал на меня и успокоился. Мне вернули форму подполковника, мои награды (копии, к слову), документы и прописали меня в штабе фронта, в оперативном отделе. Больше никаких задач в тылу немцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.